

Путь героев

Джеральд Старк

Путь героев

«Лениздат»

Старк Д.

Путь героев / Д. Старк — «Лениздат», — (Путь героев)

В новом томе «Саги о Конане» читателя ждет знакомство с первой книгой нового романа Джеральда Старка – «Путь героев». Принц Конн – пока еще юный Конни – стал достойным наследником своего знаменитого отца. Но горячность и безрассудство свойственны молодости, а из-за ошибок сильных мира сего порой могут страдать целые народы...

Содержание

Пролог	5
Часть 1	10
Глава первая. Дар	10
Глава вторая. Клятва	20
Глава третья. Испытание	27
Глава четвертая. Единомышленники	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Джеральд Старк

Путь героев

Пролог

Время перемен

Айлэ Монброн, ненаследная баронетта Танасульская, появилась на свет исключительно ради того, дабы повергать родителей в треволнения, поклонников – в неприятности, а друзей – в авантюры. Первой это обстоятельство выяснила достойная матушка упомянутой Айлэ, Меланталь Фриерра, заслуженно носившая прозвище Мудрой.

На дворе стояли первые дни Третьей весенней луны 1296 года – буйство зелени, пестрое разноцветье лугов и догорающие костры праздника Белтайн.

Совершенно не догадывающаяся о поджидающих ее трудностях Айлэ пребывала в нежном возрасте седмицы от роду, когда ее мать не выдержала искушения и извлекла на свет маленький кожаный мешочек. Оттуда высыпался десяток серых и коричневых камешков, звонко раскатившихся по столу и на краткий миг блеснувших розовыми искрами.

Меланталь долго смотрела на невзрачные кусочки гранита, склонив голову набок и перебирая пальцами толстую косу – черную, с серебряно-седыми прядями. Ворковали горлицы на подоконнике, ржала лошадь во дворе, покачивалась украшенная лентами и колокольчиками колыбель, в которой мирно дремал ребенок... Меланталь так задумалась, что не расслышала стука открывающейся двери и упустила из виду появление отца Айлэ, Райана Монброна. Впрочем, там, где появлялся Райан, тишине и покою приходилось немедленно удаляться. Он не мыслил жизни без приключений, заговоров, веселой круговерти при дворах сильных мира сего и отнесся к предостережениям подруги с обычным легкомыслием:

– Мелла, ты преувеличиваешь. Да, ребенок у нас получился еще тот, но я не собираюсь позволять никаким замшелым камешкам определять судьбу моей наследницы! Эй, наследница! Подай голос!

– Положи ребенка! – возмутилась госпожа Фриерра, но было поздно – благочинная тишина детской огласилась смехом, грохотом перевернувшегося туалетного столика и причитаниями задремавшей в углу кормилицы.

Впрочем, к тому времени, когда маленькая Айлэ стала держаться на ногах без посторонней помощи и выучилась связно болтать, мнение ее отца претерпело сильные изменения. Теперь вид дочери вызывал у него глубокую задумчивость, приведшую к тому, что в один прекрасный день Райан решил лично заняться образованием отпрыска.

– Это не приведет ни к чему хорошему, – возражала Меланталь, хотя и без особого старания. Она давно поняла, что человека, выбранного ею в спутники жизни, не переупрямить и не переубедить. – Учи ее грамоте, хорошим манерам, верховой езде, или фехтованию на спадонах, если тебе так хочется, но при чем здесь волшебство?

– Каким еще наукам учить девчонку, имевшую сомнительное счастье родиться от союза мага и рабирийки? – ехидно спрашивал Райан. – Вертеть хвостом и куртуазничать она умеет от рождения. Ей всего шесть лет, а посмотри, как за ней бегают окрестные мальчишки! Они всерьез полагают себя ее рыцарями и защитниками! Вспомни, какой скандал вышел в Гайарде, когда эта свора оборванцев решила поздравить Айлэ с днем рождения!

Меланталь не удержалась и фыркнула. Вообще-то считалось, что чета Монбронов исполняет должности королевских магов при дворе Аквилонии, но Райану никогда не сиделось на месте. В тот злосчастный год его пригласили выяснить происхождение странных и навер-

няка магических явлений, имевших место в холмах над Алиманой. Дабы не скучать, Райан прихватил с собой жену и дочь. Маленькая Айлэ немедля обзавелась свитой столь же малолетних обожателей и воздыхателей как благородного, так и низкого происхождения. Таковые обожатели ночью пробрались в сад городского наместника и срезали под корень все цветы на клумбах, дабы засыпать душистым ворохом лестницу перед домом повелительницы их сердец. Девочка отнеслась к подарку благосклонно, Райан от души посмеялся, Меланталь выругала обоих и отправилась приносить извинения расстроенной супруге почтенного градоправителя.

* * *

Сменялись на тронах короли и королевы, перечерчивались карты владений, страны и города обретали новых правителей, гремели войны, сменявшиеся обычными, ничем не примечательными днями обычной жизни, умирали и рождались люди. К всеобщему удивлению, женился и попытался остепениться человек, заслуживший репутацию самой неугомонной личности нынешнего столетия – король Аквилонии Конан Канах. Великий король тоже старел, ибо редко кому удастся одержать верх над смертью. Среди обитателей Тарантийского дворца появлялись новые лица, в то время как герои былых дней исчезали: перебирались в заслуженные владения или на кладбища, прячась под роскошными надгробиями, становились строками торжественных летописей и персонажами легенд. Подрастали дети – дети, выросшие среди трофеев и рассказов о былом, втайне мечтавшие превзойти родителей и разыгрывавшие истории о подвигах своих отцов и матерей.

– Мы даже не заметили, когда умудрились наплодить целую стаю молодых волков, рыщущих в поисках, на ком бы опробовать клыки, – с неудовольствием бормотал король, выслушивая очередные жалобы воспитателей и придворных на шалости собственных коронованных отпрысков, а также их многочисленных друзей и подружек.

Заводилой этих, с позволения сказать, «подвигов» чаще всего оказывался Его высочество принц Тауранский, герцог Шамарский и прочая, и прочая, Коннахар Канах, по молодости лет – Конни, старший сын короля, наследник престола и, как признавали все, достойный потомок венценосного родителя. Время от времени, когда терпение Конана истощалось, по дворцу разносились страшные угрозы отправить обоих «малолетних негодяев» – Конни и его братца Лаэга – на родину предков, в Киммерию, дабы там их научили уважать старших, а также преподали основы благочестия и богопочитания, основных варварских добродетелей.

То, что сам Конан Канах таковыми качествами в юности совершенно не отличался, король постоянно забывал.

* * *

Поздней осенью 1312 года в Тарантии состоялся небольшой праздник для узкого круга. Среди приглашенных числились Райан Монброн и Меланталь Фриерра, и – редкий случай! – придворный маг с супругой не только изволили явиться к аквилонскому двору, но привезли с собой наследницу.

Так четырнадцатилетний Коннахар (чей день рождения, собственно, и отмечали) познакомился с Айлэ, встретившей свое шестнадцатое лето.

Королева Зенобия, увидев молоденькую гостью, немедля вынесла приговор, коим поделилась со старшей фрейлиной Миантой Тилинг:

– Эти зеленые глазки, помяни мое слово, не успокоятся, пока не разобьют уйму мужских сердец! Кто она?

Госпожа Мианта глянула на хрупкую девочку в шелках и бархате, чинно раскланивавшуюся с обитателями дворца, кивнула и ответила:

– Баронетта Танасульская, ваше величество. Ее зовут Айлэ дия Монброн.

– Дочка Райана и Меланталь Предсказательницы? – королева в задумчивости качнула указательным пальцем длинную рубиновую сережку. – Где они ее до сих пор прятали? Ох, наплачемся мы с этой красоткой, дайте ей только слегка подрасти...

– Почему, госпожа? – не выдержала придворная дама. – Конечно, девица чудо как хороша, но при дворе полно смазливых мордашек! От появления еще одной вряд ли что изменится.

Зенобия совсем не по-королевски фыркнула.

– Дело не в том, привлекательна эта юная особа или нет. Она дитя волшебника, которого считают бессмертным, и женщины из Рабирийских гор...

– Гуля? – испуганно ойкнула Мианта. – Разве госпожа Фриерра – из этих?..

– Из этих самых, – уверила подругу королева – Смотри внимательнее. Ни Меланталь, ни ее дочка, когда улыбаются, не разжимают губ. Значит, ребенок пошел в материнскую родню. С тягой к свежей кровушке и прочими мрачными талантами, вроде привораживания единственным взглядом, умом, словно отточенный клинок, и стремлением выделиться в толпе... Сходи-ка, позови госпожу Фриерра.

Меланталь не замедлила явиться, и подозрения аквилонской правительницы оправдались целиком и полностью. Вдобавок за беседой обе женщины без труда заметили, что принц Коннахар явно отдает предпочтение новой знакомой и старается держаться поближе к ней. Впрочем, так поступал не он один. Придворная молодежь мужеского пола чутко ловила слухи, устремлялась глянуть на необычную гостью и оставалась поблизости, в надежде быть замеченными.

– Порой я думаю – не лучше ли отправить ее в Рабиры? – с грустью призналась Меланталь. – Райан не хочет даже слушать о подобном. Он носится с ней, выполняет любые ее желания, учит началам магии, но законы природы не обманешь.

– Айлэ не виновата в том, какой появилась на свет, – сердито возразила Зенобия. – И не вздумай вдобавок обвинять себя! Я же знаю, как твои соплеменники относятся к детям. Ждут не дождутся дня, когда на свет появится еще один ребенок. Много ли вас осталось там, в холмах над Хоротом? Я опасаясь другого, – королева снова взглянула на девочку-подростка – тоненькую, черноволосую, с вопросительно-ироничным взглядом ярких глаз цвета весенней листвы, в которых иногда мелькал притушенный стальной отблеск, – справится ли она с отпущенными ей возможностями? Меланталь, ты не хочешь, чтобы она прожила годик-другой в Тарантии?

– Нет, – отрезала госпожа Фриерра. Запоздало вспомнила, с кем разговаривает, и извиняющимся тоном добавила: – Простите, Ваше величество. Вы правы – девочка должна научиться жить среди людей, но мне так не хочется отпускать ее... Мы всегда были вместе, – она, Райан и я. Я знаю, что когда-нибудь она уйдет своей дорогой, но... Может, в следующем году?

– В следующем, так в следующем, – согласилась королева, в глубине души обрадовавшаяся такому повороту событий. Она поискала взглядом предмет разговора, молодую Айлэ, но той не обнаружилось. Мгновенно возникшая рядом Мианта церемонно сообщила, что принц с гостями, а также Его величество спустились во внутренний двор замка и запускают там кхитайские шутихи.

Мимо окна пролетел свистящий ярко-алый огонек, рассыпавшийся градом мелких звездочек, медленно таявших в сиреневых осенних сумерках.

Визит семейства Монбронов в королевский замок обернулся столь неожиданными последствиями, которые не могла предусмотреть даже житейски искушенная Зенобия.

Началось все с робкого стука в двери ее опочивальни, раздавшегося колокола через два после окончания празднества, то есть незадолго до полуночи. Дженна сидела перед серебряным зеркалом, неторопливо расчесывала темные волосы без единого признака седины, раз-

мышляла о разных вещах, прикидывала, какие дела и хлопоты ожидают ее завтра, и не сразу откликнулась.

– Мианта?

– Нет, это я, – в щель между створками просунулась голова драгоценного старшего отпрыска. – Мама, извини, что так поздно. Не знаешь, где отец?

– Загляни к пуантенцам, – недовольно посоветовала Зенобия. – И намекни ему, что праздник давно закончился.

– Я вообще-то хотел поговорить с тобой, – мальчик вошел и привалился к дверям.

– О чем? – поинтересовалась королева, откладывая гребень. В начищенном серебре отразилось привлекательное лицо женщины сорока с небольшим лет, спокойной и рассудительной. Так, по мнению Дженны, и должна выглядеть соправительница великой страны, жена на редкость неугомонного искателя приключений, да вдобавок мать троих детей, не отличающихся благонравием.

Конни помялся, переступая с ноги на ногу и изучая безделушки на каминной полке, а затем единым духом выговорил:

– Об Айлэ диа Монброн. Она такая... Такая красивая и столько всего знает! Пусть она не уезжает! – он судорожно сглотнул и закончил: – Мама, я хочу на ней жениться. Когда я смогу это сделать? Когда мне исполнится шестнадцать, да?

К чести королевы Аквилонии надо заметить, что столь диковинное признание сына не повергло ее в обморок и не вызвало приступ крайне неуместного в данный миг хохота. Дженна прикусила губу, напомнила себе, что к первой юношеской влюбленности надо относиться с большой осторожностью, что Айлэ – не просто хорошенькая девчонка, и поняла, что лечь спать ей удастся не скоро.

– Жениться, – раздумчиво протянула она. – Конни, не стой как нищий под дверями! Иди сюда и садись.

Наследник с явным облегчением перевел дух, плюхнулся на рысью шкуру перед камином и выжидательно уставился на мать.

– Значит, ты твердо все решил? – осведомилась Зенобия. В ответ последовал упрямый и размашистый кивок. – Увидел ее сегодня в первый раз и сразу понял, что никакой другой подруги тебе не нужно? А у самой госпожи баронетты ты спросил? Может, она не торопится замуж. Мнение ее родителей ты, конечно, узнать забыл? Вдруг они уже выбрали ей подходящего жениха?

– Не выбрали, – буркнул изрядно поникший Коннахар. – Мама, я же все цонимаю! Я просто хотел узнать, не сможешь ли ты намекнуть месьюру Монброну, чтобы Айлэ пожила в нашем замке? Он наверняка согласится. Я слышал, он в следующем году собирается в путешествие по Кезанкийским горам, а госпожа Меланталь ехать с ним не хочет и дочь отговаривает. Мы привыкнем друг к другу, а через два-три года поженимся. Или думаешь, она не подходит для королевской семьи? – серые глаза подростка нехорошо сузились, оповещая мир о готовности до конца отстаивать свое мнение. – Потому что Айлэ – ненаследная баронетта и у нее есть только имя Монбронов, к которому не прилагается никаких земельных владений? Ну и что? Ты ведь даже не была дворянкой, когда отец предложил тебе выйти за него!

– Уел, – с коротким смешком признала Дженна, чье происхождение совершенно не вязалось со словом «благородное». Девица Зенобия Сольскель родилась в Пограничье, в семействе богатого купца, и меньше всего подумывала о замужестве с правителем огромной страны. – Зато по крайней мере я человек до кончиков ногтей, а твоя ненаглядная Айлэ...

– Гуль, – мальчик напустил на себя совершенно равнодушный вид. – Она сразу предупредила. Ну и что? Эрде, великий канцлер Немедии, – наполовину дверг по крови. Его жена родом из Рабиоров. Рейенир да Кадена, сердечный друг королевы Чабелы и второй человек в Зингаре – тоже гуль, чего совершенно не скрывает. Кто знает, сколько его сородичей обретается

при кордавском дворе? Или в Немедии, при этом их грозном Вертрауэне? Госпожа Идрунн, супруга Бриана Майлдафа, лучшего друга отца – из народа сиддх, который к людям вообще не имеет никакого отношения! А Лью, их сын – кто он? Человек или нет? Я уж не вспоминаю про короля Эртеля из Пограничья и его подданных! Они ведь оборотни, но никто им не тычет в нос их родословной!

– Хорошо, хорошо, убедил, – замахала руками Зенобия. – Тогда скажи, отчего уже лет пять или более того никто не встречал герцогиню Эрде и почему знакомые стараются избегать даже упоминания ее имени?

– Она болеет, – не очень твердо ответил Конни.

– Каким недугом? – настаивала королева, начинавшая злиться. – Ах, не знаешь? Тогда я тебе скажу. Она спятила! Полностью спятила! Собственная семья держит ее в Рабирах – за решетками и замками, чтобы не сбежала. У любого из гулей тараканы в голове! Рано или поздно все они кончают тем, что начинают бросаться на окружающих и убивать без разбора! Хочешь завести себе такую подружку?

– Вы чего кричите? – дверь распахнулась, пропуская Его величество владельца Аквилонии, недоуменно переводившего взгляд с жены на сына – Йен, Конни, что с вами? Какая подружка? Кто спятил?.. Кстати, я засиделся с Монбронами. Они вдруг решили сделать одолжение и пожертвовать нам свою дочурку. Ее зовут на тульский лад – Айлэ. В переводе на людское наречие – Лунный Свет. Видели ее? Правда, хорошенькая?

Конни издал странный короткий всхлип, проскочил мимо отца, стрелой вылетел в коридор и умчался, сбив с ног кого-то из слуг.

– К мальчику пришли возвышенные чувства, – печально сообщила Зенобия. – Виновница – юная баронетта Монброн. Не вздумай над ним подшучивать, иначе я рассержусь.

– Я не смеюсь, – ошарашено проговорил Конан. – И будет лучше, если ты объяснишь все по порядку. Конни ведь никогда раньше не встречал эту девушку! Ее вообще никто не видел – Монброны впервые вывели ее в свет! Йен, я хочу знать, что происходит!

* * *

Баронетта Монброн осталась при аквилонском дворе, вскоре заслужив прозвище «Измурда королевской сокровищницы». Зенобия помирилась с сыном, однако переубедить его не сумела – даже с помощью супруга. Принц не собирался отступаться от безумного замысла (благо юная рабирийка прониклась к нему взаимной привязанностью) и терпеливо ждал дня своего совершеннолетия. По дворцу гуляли недовольные шепотки и злые сплетни, Конан мрачно предрекал, что только девицы-гуля на троне Аквилонии не хватало для полного счастья, и предлагал Айлэ заранее обратиться к придворному ювелиру и заказать корону.

Девушка в ответ рассеянно улыбалась, светя из-под длинных ресниц пронзительной малахитовой зеленью, а время шло...

Часть 1

Загадки прошлого

Глава первая. Дар

Тарантил, Аквилония.

Вторая весенняя луна 1313 года по основанию королевства.

Уже второй раз наконецник копья проскочил мимо болтавшегося на веревке деревянного кольца, и Конни обреченно представил, какая выволочка ожидает его в ближайшем будущем. Нет проку надеяться, будто месьор Борс, наставник по ристалищному делу, не заметил досадного промаха одного из своих подопечных.

Ну и что с того, что его светлость Тегвир уже не может похвалиться орлиной зоркостью и в данный миг увлеченно распекает кого-то в дальнем конце манежа? Следующей жертвой суждено стать некоему Коннахару Канаху, и можно даже об заклад не биться. Точно-точно, вот Борс небрежным взмахом руки отпустил провинившегося, и, прищурившись, оглядел зал.

Конни невольно пригнулся к стриженной конской гриве, развернул фыркнувшую кобылу, и, с отчаянием утопающего вцепившись в древко копья, затрусил к раскачивающемуся кольцу – деревянному обручу, некогда выкрашенному ярко-алой краской, а теперь облупившемуся от множества доставшихся ему ударов.

На первый взгляд задача выглядела наипростейшей: пустить лошадь легкой рысью, в надлежащий миг слегка привстать на стременах и поразить воображаемого противника. Мастера своего дела умудрялись настолько точно рассчитать силу толчка и скорость движений лошади, что копье аккуратно проскальзывало сквозь кольцо, словно игла через слой ткани, и послушно возвращалось в руку владельца. Ротан Юсдаль отлично умел проделывать этот нехитрый трюк, и Эвье Коррент умел – разумеется, когда месьора Наставника не замечалось поблизости, а то обоим немедля бы влетело за фиглярство – Конни же стоило нешуточных трудов просто попасть в обруч. Иногда он всерьез начинал подозревать бесчувственный предмет в неприязни к наследнику Аквилонского трона.

Огромный крытый манеж, сооруженный по проекту главы Архитектурной гильдии месьора Торонда Бланда и заверченный только в прошлом году, наполняли привычные уху звуки. Мягкий топот копыт по толстому слою песка, частый перестук сталкивающихся деревянных учебных мечей и копий, короткие возгласы – то раздраженные, то радостные. Шло занятие по военному и турнирному искусству, и почтеннейший Наставник, месьор Борс дие Тегвир из Атрены, нещадно гонял два десятка отпрысков благородных семейств, бодро перемещаясь на искривленных годами непрерывной верховой езды ногах из конца в конец просторного помещения и рассыпая вокруг себя короткие, точные указания.

Молодежь искренне любила старого Борса и столь же искренне побаивалась, прекрасно зная о его способности так высмеять пренебрегающего своими обязанностями, что бедолага был готов немедля провалиться от стыда сквозь землю. Похвала учителя считалась наградой, равной Ордену Крылатого Льва, и столь же недостижимой.

До недавних пор война была главным и основным ремеслом Борса. Он прошел вместе с правителем Аквилонии знаменитую Офирскую кампанию, участвовал в войне с Кофом, три года провел на границе Пиктских Пущ, а совсем недавно командовал одним из легионов, посланных в Пограничье и положивших конец затяжному мятежу в Землях Кланов. Месьор Тегвир по справедливости считался лучшим из воинских наставников, под настроение мог рассказать множество захватывающих дух историй о своем бурном прошлом, но юным под-

опечным никогда не приходилось рассчитывать на его снисхождение. Борс не имел любимчиков и частенько поговаривал, что каждое новое поколение поручаемых его надзору мальчишек становится хуже и хуже предыдущего. Просто удивительно, откуда берутся такие криворукие неумехи, вдобавок поголовно страдающие куриной слепотой? За что, спрашивается, мы платим повивальным бабкам? Куда подевались наследники былых славных семейств? Неужто выродились, превратившись вот в эдаких хромоногих увальней?

По свидетельствам былых выучеников месьора дие Тегвира, те же самые слова он твердил и десять, и двадцать лет назад. Старикам всегда кажется, что во времена их молодости трава выглядела намного зеленее, а вода была мокрее.

Упрямое кольцо глуховато стукнуло по сосновому деревку, веревка лопнула, и Конни получил долгожданную возможность проехаться, гордо помахивая честно добытым трофеем. К сожалению, его подвиг остался почти незамеченным – под высокими перекрытиями зала проплыл тягучий перезвон гонга, извещающий о скором окончании занятия. Воспитанники Борса уступали место молодым гвардейцам дворцовой охраны, тех, в свою очередь, сменит еще кто-нибудь, и так до позднего вечера – чтобы с утра все повторилось сначала.

Привыкшие к звукам гонга лошади насторожились, выразительно скашивая глаза в сторону огромных двустворчатых дверей и предчувствуя чистку, кормежку и заслуженный отдых. Дие Тегвир дождался, пока ученики торопливо выстроятся в шеренгу, насупленно оглядел их, выискивая упущения: неправильную посадку, слишком длинно или коротко отпущенные стремена, недопустимо болтающийся повод или, не приведи боги, чуть сдвинувшееся набок седло. Подопечные не обманули его ожиданий, но сегодня Борс пребывал не в настроении, ограничившись парой раздраженных окриков и гневным фырканьем.

– Обратите внимание, благородные месьоры – кто терпеливо торчит под дверями в ожидании подачи? – вполголоса (и довольно злорадно) пробормотали слева. – Конни, хочешь добрый совет? Когда твой гость изволит удалиться, вели обрызгать комнаты средством от блох. И пусть слуги, не скупятся. Двумя-тремя ведрами тут наверняка не обойтись.

– У его милости Коррента снова приключилось разлитие черной желчи, – с нарочитым сочувствием посетовали справа. – Эвье, обратился бы к лекарю. Говорят, от злости помереть можно.

– Прекратите болтать, вы оба, – мрачно буркнул Конни. – Борс услышит. Эвье, я обязательно воспользуюсь твоим советом... когда ты надумаешь навестить меня.

Наследник семейства Коррент оскорбленно дернулся и нехотя выдал:

– Прошу прощения, мой принц. Я... я не подумал.

– Видишь ли, Конни, нашему общему другу опять досталось копьём по голове, – хмыкнув, любезно пояснили справа. – И оттого немногие имеющиеся мысли...

– Ротан, да заткнись же! – не выдержал Эвье. – Я извинился, в конце концов!

Месьор Борс грузно развернулся в сторону болтунов, и те мигом притихли. Конни давно свыкся с перепалками между давними приятелями, зная, что дие Коррент частенько бывает несдержан на язык, а Ротан Юсдаль обожает его поддразнивать. Единственное, на что Коннахар не собирался закрывать глаза – на быющее через край высокомерие Эвье, принадлежавшего к одной из древнейших семей Аквилонии и способного без запинки перечислить добрую сотню своих предков.

Отец Конни, будучи в дурном настроении, всегда повторял, что проще одолеть парочку разъяренных горных троллей, чем сбить хоть немного спеси с дворянского сословия. За минувшие четверть века знать Аквилонии смирилась с мыслью о варваре на троне королевства, однако упрямо противостояла желанию правителя видеть во дворце своих знакомых, не могущих похвалиться благородным происхождением. Для кое-кого, разумеется, делались исключения, но семейство Майлдафов из Темры к этим исключениям точно не относилось. Долгая, почти незаметная, однако не ставшая от этого менее упорной борьба придворных с королем

привела к тому, что Бриан и Идрунн Майлдафы появлялись в Тарантии не чаще, чем раз в год, а иногда и реже.

Но в таком случае что здесь понадобилось их отпрыску, Майлдафу-младшему, ибо колонну у дверей Большого Манежа подпирает именно он? В это время Лиессину положено безвылазно сидеть в Темре, сиречь земле Гвинид на местном наречии, готовиться к грядущему празднованию наступления весны, складывать очередную балладу, а не болтаться в Тарантии!

* * *

Объяснение сему загадочному поступку прозвучало спустя колокол, когда в покоях наследника короны встретилось маленькое привычное общество, в шутку прозванное кем-то «Братством Охотничьей залы». Название прижилось, ведь уютная Охотничья зала с ее ворчащим камином, головами кабанов и оленей на стенах, и слегка потрепанными медвежьими шкурами на полу как нельзя лучше подходила для шумных сборищ наследников правящей фамилии и их приближенных. Дети учились и играли, переживали обиды, делились первыми секретами, пересказывали сплетни Большого Двора и мимолетно удивлялись отголоскам событий, шумевших за пределами Тарантийского замка.

В один прекрасный день Братство изрядно удивилось и слегка опечалилось, осознав, что золотые годы незаметно утекли сквозь пальцы. Мальчики подрастали, девочки превращались в девушек. Фамильный меч на стене, до которого ты еще вчера не мог дотянуться, сегодня переходил в твою собственность. Пугавшая своими размерами и количеством книг библиотека становилась любимым местом времяпровождения. Ты оказывался принятым почти на равных в непонятные дела взрослых, у бывших друзей детства появлялись свои заботы и хлопоты...

Наверное, так и должно – быть?

В разные времена Братство Охотничьей залы составляли от трех до десяти человек, и Лиессин Майлдаф, старший по возрасту, покинул его первым. Его увезли из Тарантии – к величайшему огорчению маленького Конни и его верного приятеля Ротана. С тех пор Льюу существовал только в редких обмолвках родителей, изредка получавших весточки из Темры, да в смутных воспоминаниях.

Года три назад Майлдаф-младший внезапно объявился в аквилонской столице – удивив и возмутив столь вызывающим поведением двор, но чрезвычайно обрадовав правящее семейство и наследника. Поначалу Коннахару даже не пришло в голову, что незнакомый молодой человек, которого ему с непонятным смешком представил отец – его былой товарищ по играм. Как заподозрил Конни, привыкший к любым странностям король Аквилонии и его супруга тоже изрядно озадачились при виде повзрослевшего отпрыска их давних друзей. Льюу пошел в материнскую родню, а кем по происхождению являлась госпожа Идрунн – можно только строить догадки. Заведовавший книгохранилищем тарантийского замка волшебник Озимандия, скажем, без колебаний относил ее к сиддх, уцелевшим потомкам некогда обитавших на землях Пуц альбов.

Неудивительно, что дитя Идрунн и коренного темрийца Бриана отличалось изрядным своеобразием. За его спиной шептались, что именно так, должно быть, выглядел бы альб, доведись ему родиться и вырасти среди простоватых и независимых обитателей холмов и гор земли Гвинид. Сам Конни при виде приятеля испытывал легкую тревожную растерянность и нечто, весьма напоминавшее зависть. Схожие чувства появлялись у него при виде любого существа нечеловеческого происхождения. Скажем, когда в Тарантию приезжали гости из Пограничья – оборотни или дверги. Или когда он находился поблизости от Айлэ Монброн...

Впрочем, привязанность к Айлэ – совершенно иной разговор. Жаль, что она не сможет прийти: сегодня ее очередь вместе с другими благородными девицами прислуживать королеве. Баронетта Монброн освободится только к позднему вечеру и наверняка будет уставшей

и неразговорчивой. Нынешней зимой она частенько бывала не в духе. Ее родители, Райан и Меланталь, уже с полгода пропадали в Туране, не присылая никаких известий. Айлэ изрядно беспокоилась – не случилось ли чего дурного с неугомонными магиками, вознамерившимися непременно посетить загадочные древние развалины вблизи Кутхемеса?

– ... Конни, я привез тебе подарок, – невозмутимо сообщил Лью, когда прослышавшие о его приезде члены Братства Охотничьей залы немного утомнились, и стихли расспросы о том, какие невероятные причины заставили Лиессина покинуть любезную его сердцу Темру накануне близких праздников.

Из водруженного на стол потрепанного дорожного мешка Лью с величайшей осторожностью извлек некий изрядных размеров сверток и принялся неторопливо разматывать сероватую холстину. В мыслях Конни воцарилась некая растерянность. С чего бы Майлдафу-младшему вздумалось поздравить наследника аквилонской короны с приближающимся Белтайном, который, хоть и отмечается во дворце, но мнением благородного сословия втихомолку заклеивают как действие простонародное и слегка вульгарное?

Впрочем, подарки всегда приятны. Особенно когда в них кроется какой-нибудь потаенный смысл или любопытная загадка.

Конни глянул на своих друзей. Ротан едва ли не топчется на месте, с откровенным нетерпением ожидая момента, когда таинственная вещь целиком покажется на свет. Его старшая сестра, Меллис Юсдаль, воплощенное здравомыслие и благовоспитанность, смотрит с легким ехидством. Наверно, все это кажется ей детскими забавами – ведь Меллис недавно исполнилось целых семнадцать лет. В знак своей принадлежности к числу взрослых дам она незамедлительно обзавелась поклонниками, но, к счастью, в Охотничью залу приходила без свиты преданных воздыхателей.

Вызвавший сегодня днем неудовольствие принца Эвье разумно держался в отдалении, делая вид, будто ему ничуть не интересно содержимое свертка. И то хорошо. Порой Эвье становится невыносим, хуже Лаэга, младшего брата Конни.

* * *

Под развернутой холстиной скрывался отрез потрепанного бархата, а уже из-под него тускло блеснули желтоватые бронзовые накладки по углам потрескавшейся кожаной обложки густо-красного, винного цвета. Большой, старинный с виду фолиант внушительно брякнулся на столешницу, мелькнув давно осыпавшейся позолотой обреза страниц и подняв еле различимое облачко пыли.

– Спасибо, – с искренним удивлением проговорил Конни. – Лью, что это такое?

– И почему без заглавия на обложке? – протянувшая было руку Меллис вовремя сообразила, что крайне невежливо отнимать у нового владельца рукописи право первым осмотреть подарок. Меллис любила книги и знала в них толк. Должно быть, эти способности передались ей по наследству – ведь ее отец, Хальк Юсдаль, почти два десятка лет заведовал обширной библиотекой Тарантийского замка. Ротан утверждал, будто сестра умеет с первого взгляда безошибочно назвать место, время и обстоятельства написания почти любой книги, и что фамильная сообразительность до последней капли досталась именно ей. На его же, Ротана, долю выпали только тяга к приключениям да умение хорошо держаться в седле. – Где ты это раздобыл?

– Ну-у, это долгая история, – загадочно протянул Лиессин, и украдкой хмыкнул, зная, что приятели ждут от него именно этой фразы. Такое уж ремесло он выбрал. Даже негибелю Бриану Майлдафу пришлось в конце концов признать: отпрыск вряд ли захочет принимать участие в делах процветающего торгового дома «Майлдаф и Мабидан». Склонный в любых неприятностях отыскивать нечто хорошее, Майлдаф-старший пришел к решению, что быть отцом человека, который в недалеком будущем наверняка станет глайменом, лучшим певцом

и рассказчиком Темры – тоже неплохо. Хотя он бы предпочел, чтобы Лиессин не занимался ерундой, перестал шататься по Полуночной Аквилонии, Гандерланду и Киммерии, и вспомнил о семейных традициях...

– Тогда рассказывай! – потребовал Ротан.

– Нынешнюю зиму я провел в Демнее – это маленький замок неподалеку от порубежья Немедии, – уроженец Темры, Лью говорил на аквилонском с мягким тягучим акцентом. Его речь всегда наводила Конни на мысли о лесном ручье, пробирающемся меж камней и палой листвы. – Тамошние хозяева – замечательные люди. Жаль, что наступлением весны пришлось расстаться с ними.

– Должно быть, они облегченно вздохнули, – еле слышно пробормотал Эвье. Он все-таки не выдержал искушения и подошел ближе.

Конни угрожающе скосился на него, и дие Коррент немедля прикинулся от рождения немым.

– Я решил пройти через Немедийские горы, по старому Верговскому тракту. С той поры, как проложили Большую Полуночную дорогу, им почти не пользуются, и леса возвращают себе отнятое людьми. Диковатые заброшенные места. Кажется, будто из-за кустов за тобой все время следят, а оглянешься – никого...

В камине громко треснуло прогоревшее полено. Меллис от неожиданности ойкнула, вызвав у брата приглушенный смешок – Ротан отлично знал, как трудно всерьез напугать его многоученную сестренку.

– Где-то на второй день пути я наткнулся на озеро и решил устроить привал на его берегу, – Лиессин, явно увлекшись рождающейся историей, смотрел куда-то мимо приятелей, в сторону высокого и узкого окна, составленного из множества ярко-синих и желтых стеклышек. – Маленькое озерцо в круглой долине – словно надпитая чаша с вином. Можете не верить, но я сразу понял: если заночевать здесь, обязательно случится что-нибудь удивительное. Чтобы не пропустить этого краткого мгновения, нужно набраться терпения, сидеть тихо и держать глаза с ушами открытыми. Мне пришлось ждать почти до самого рассвета. Должно быть, я все-таки умудрился задремать, потому что разбудили меня крики диких гусей, возвращавшихся домой с зимовки на Полуденном Побережье. Их голоса похожи на торжественные трубы... Над озером висел туман – серый с голубизной, как дым догорающего костра. Казалось, в мире не осталось больше ничего. Никаких людей, городов, дорог, стран. Только крохотный кусочек озера и обрывистый берег над ним. Ветер переносил клочья тумана с места на место... или они летали и кружились сами по себе. И тогда... – голос Лью упал до внятного шепота, – тогда я понял, что смотрю на Нее. На Озерную Деву. Она куталась в туман, как в плащ, косы ее струились, подобно колеблемым волной водорослям, а голос, когда Она заговорила, походил на перезвон льдинок в весеннем ручье. Она подняла руку – я к тому времени уверился, что не сплю, – и сказала...

– ... Не проводите ли меня до Тарантии? Моя заветная мечта – посетить библиотеку при тамошнем Университете, – кокетливо произнесла Меллис.

Под шумок она все-таки завладела привезенной книгой и теперь указывала на символ, украшавший первую страницу: изображение чернильницы с пером и выгнувшейся над ними арки, сложенной вместо кирпичей из множества книжных переплетов.

– Если мне не изменяют память и зрение, сей знак непременно означает – фолиант когда-то принадлежал или принадлежит книгохранилищу Обители Мудрости.

– Меллис! – взвыл раздосадованный Лью, хотя глаза его смеялись. – Меллис, ну что ты наделала? Отчего бы тебе не обождать немного? Они ведь поверили!

– Испортила предивное сказание о явлении Владычицы Озера и обретении тайн запретного знания, – хихикнула девушка. – Радуйся, я тоже поверила... почти.

– Ты все выдумал? – со смешанным чувством разочарования и восхищения протянул Ротан.

– Почти все, – честно признался Лиессин. – Скажем, неподалеку от Верговского тракта действительно есть маленькое озерцо, и я всю ночь стучал зубами от холода на его берегу – поленился ставить шатер.

– Тогда открой секрет – откуда на самом деле взялась книга? – Эвье перегнулся через плечо Меллис, со скучливым видом рассматривая, рукопись. – Надеюсь, ты не совершил злостной кражи раритета из стен уважаемого учебного заведения? Хотя о чем это я? Стража на воротах Обители давно привыкла к чудачествам господ студиозусов... но подобное одичавшее создание, думаю, они бы не впустили.

– Эвье, придержи язык, – сухо бросил Конни.

– Я ее купил, – казалось, Лью нет никакого дела до чужих насмешек. – В Меноре, в лавке одного давнего знакомого. На честно заработанное золото. И привез сюда, потому что уверен – в ней отыщется кое-что бесполезное для тебя, Конни. Открой и взгляни.

* * *

Заглавие фолианта, выписанное алыми, зелеными и пронзительно-голубыми буквами, да вдобавок украшенное множеством завитушек, расплзлось по всей первой странице, и Конни не сразу сообразил, откуда начинать чтение. Помогла Меллис, немедля сунувшаяся под руку и ткнувшая ногтем в имя автора.

– Рамеус да Брукария, – чуть запнувшись, выговорила она смутно знакомое Конни имя. – По происхождению зингарец. Жил, если не ошибаюсь, лет двести или чуть более тому. Собирал легенды и предания народов Побережья. Известны два его больших труда – об Аргосе и Шеме – и множество разрозненных неоконченных работ. Похоже, тебе досталась именно такая.

– *«Заметки о путешествии по краю, Рабирийскими горами именуемому, с приложением чертежей пройденного пути, зарисовок достопримечательностей градостроительных и природных, краткого свода бытующих в сем крае сказаний, а также с изложением собственных умозаключений Автора касательно...»*

Конни не сумел на одном дыхании добраться до конца и раздраженно буркнул:

– Не название, а целый караван, пылящий от Тарантии до Бельверуса!

– Если я правильно понял, это книга о Рабирах и... и их обитателях? – с любопытством уточнил Ротан и перевернул несколько страниц. Его внимание немедля привлекла картинка, изображавшая некое существо демонического облика – лохматое, с длинными когтистыми лапами, оскаленными зубами и яростно горящими глазками. В правой лапе тварь сжимала предмет, вполне могущий сойти за оторванную человеческую руку. – Какая милая и приятная зверюшка. Слушай, Конни, тут говорится, будто сей монстр рисован по словам очевидцев и представляет собой доподлинное изображение рабирийского гуля, выслеженного и убитого в 972 году подле города Алькалад... А это кто? – Ротан и присоединившийся к нему Эвье разглядывали изображение привлекательной молодой женщины, сидевшей на парапете фонтана. Красота незнакомки вполне заслуживала названия «безупречной», если не обращать внимания на высовывающиеся изо рта кончики острых клыков. – Куртизанка Лория, более известная как Губительница из Тавиты. Изловлена, уличена и сожжена в 1015 году в Мессантии, на Площади Дожей, в присутствии правящего семейства и большом скоплении ликующих горожан. Этот почтенный господин тоже гуль? Нет, прославленный охотник на таковых...

– На твоём месте, Конни, я бы спрятал сие познавательное сочинение, – лениво протянул Эвье. – Коли оно попадет на глаза баронетте Монброн, не миновать беды.

Усилием воли Конни подавил нарастающее раздражение и обернулся к удобно расположившемуся за столом Лиессину.

– Твой подарок больше походит на злую шутку, – медленно, стараясь держать себя в руках, начал он. – Я хочу...

Почувывая неладное Меллис встрепелась и бросила отчаянный взгляд на брата. Ротан состроил горестную физиономию – в конце концов, наследник королевской фамилии имеет самое законное право задавать вопросы и получать честные ответы. Какими бы закадычными друзьями детства они не считали себя, истина проста: каждый из них в первую очередь подданный короны Аквилонии.

– ... Знать, из каких соображений я выбрал и привез столь непонятную и в чем-то отталкивающую вещь, – закончил фразу Лью, коротким и быстрым движением выталкивая себя из кресла. Он по-прежнему оставался спокоен, только в зрачках цвета лесного ореха вспыхнуло и погасло неяркое мерцание. – Ответ прост: чтобы дать тебе повод для размышлений. Тебе неприятен мой подарок или ты не желаешь над ними задумываться? Воля твоя. Сунь книгу в шкаф, пусть дожидается своего времени. И помни – мне никогда бы не пришло в голову шутить над тобой или как-то обидеть.

Конни молчал, поглаживая старинный переплет винно-красного оттенка. С трепетом ожидавшей развязки Меллис вдруг подумалось, что принц и Майлдаф-младший чем-то схожи, хотя наверняка о том не догадываются. Черноволосый Коннахар с упрямо-спокойным взглядом и на удивление твердой для подростка верой в свою силу справиться с какой угодно трудностью. Наверное, его знаменитый отец в молодые годы был таким же, иначе как он сумел вырваться из безвестности и достичь трона? И Лью – словно заглянувший на огонек гость из таинственных давних времен, Лью с его белоснежной шевелюрой, отливающей серебром, с невероятными историями, которые они, затаив дыхание, слушали у этого самого камина лет десять назад, с постоянными загадками и недомолвками...

Заполнившую Охотничью залу тягостную тишину нарушило вежливое постукивание в дверь, больше напоминавшее поскребывание. Ротан вопросительно глянул на Конни, получил в ответ разрешающий кивок и, приоткрыв створку, высунулся в коридор. Донеслись неразборчивые приглушенные голоса, затем молодой человек обернулся и во всеуслышание объявил:

– Посланец от короля. Его величество желает видеть Лиессина Майлдафа.

– Когда только успели нашептать? – с досадой пробормотал Конни. Его всегда поражала скорость распространения слухов и сплетен по дворцу. Вроде бы владения наследника расположены далеко от королевских покоев, однако эхо новостей Малого Двора беспрепятственно минует два этажа с множеством комнат, переходов и коридоров. – Лью, можешь идти. Прочих тоже не задерживаю. И, Лью... я постараюсь найти время для твоего подарка.

Хлопнула внутренняя дверь: Конни ушел, не дожидаясь завершения положенной церемонии вежливых расшаркиваний и поклонов. Меллис невольно поежилась – случившееся чрезвычайно напоминало ссору, по счастливому стечению обстоятельств не успевшую разразиться. Никогда раньше она не видела Коннахара в таком скверном настроении. Напрасно Лиессину вздумалось дарить наследнику короны подобную книгу. Всей Тарантии и доброй половине Аквилонии известно, что принц давно и безнадежно потерял голову от девицы, происходящей из Рабилов. Может, Лью полагает таким диковинным способом ослабить привязанность Конни? Не поможет. Наверняка не поможет.

Девушка сокрушенно вздохнула. По всему выходило, что приближающийся Белтайн не принесет кое-кому никакой радости.

* * *

Спустя пару дней любопытство все-таки победило. Конни извлек на белый свет коварный подарок, решив – если книга окажется неинтересной, он немедленно отнесет ее в замковое книгохранилище, и пусть она пылится там до скончания веков. А Лиессин отныне может смело

не рассчитывать на любезное отношение Малого Двора Тарантии. Подумаешь, друг детства выискался! Детство имеет свойство заканчиваться.

Пора взглянуть правде в глаза: место Майлдафа-младшего – в Темре, и только там.

Некоторое время Конни всерьез обдумывал, как бы подговорить отца издать указ, настрого запрещающий жителям земли Гвинид показываться в прочих городах королевства без надлежащего разрешения, потом хмыкнул и раскрыл подаренный фолиант.

Достопочтенный Рамеус да Брукария был человеком дотошным и скрупулезным – это подтверждала каждая строка и каждая страница его творения. Мэтр отнесся к возложенной на себя задаче со всей серьезностью, поделив изрядной толщины труд на три обширные части.

Начиналась книга с подробного описания путешествия, совершенного месьюром Брукарией в 1063 году, и включавшего в себя почти все города и поселения, расположенные вдоль незримой границы Рабирийских холмов. Отряд неутомимого исследователя выехал из Мессантии Аргосской, поднялся вверх по течению Хорота до места его слияния с Алиманой, повернул на Закат и затем на Полдень, совершив таким образом кругное странствие, закончившееся в недавно заложенной пограничной крепости Виара. Конни припомнил, что указанный форт благополучно существует по сей день, возвышаясь над оживленным трактом, связывающим Мессантию и прибрежные зингарские города.

Второй раздел «Заметок», как сулил вычурный заголовок, содержала собранные за время экспедиции изустные народные предания и бытующие в крае суеверия, посвященные единственной зловещей теме – обитателям Рабиров. Мэтр Рамеус добросовестно записал все: от почти шестисотлетней давности легенды о поголовном исчезновении жителей городков Бретта и Мерчетес, и знаменитой «Сирвенты о походе короля Файдита», из коего не вернулся ни один человек, до целой россыпи повестей караванщиков о тенях, появляющихся с наступлением сумерек и заманивающих в лес тех, кто имел неосторожность отойти от костра. Встречались и рассказы о таинственных людях, которые ничуть не изменялись на протяжении нескольких десятилетий, словно время не имело над ними власти, и, само собой, привычные в своем ужасе истории о неуловимых бессмертных убийцах, прячущихся днем в склепах, а ночью выходящих на охоту за живой кровью... Этот раздел Конни пролистал, язвительно хмыкая и торопясь поскорее добраться до заключительных глав, поименованных как «Догадки и предположения Автора».

Здесь его и поджидали обещанные Лью «небесполезные сведения».

Уже на второй или третьей странице Коннахар озадаченно прикусил ноготь и подумал, что стоит обратиться за разъяснениями к кому-нибудь более осведомленному. Может статься, творение многоученого да Брукарии – всего лишь утонченная литературная шутка? Наподобие рукописей Гая Петрониуса, посвященных жизни нынешнего короля Аквилонии и на самом деле являющихся произведением его светлости Халька Юсаля, советника короны в отставке? Слишком поразительные догадки крылись на желтоватых пергаментных листах, обрезанных «в четверть доли» и собранных воедино под обложкой цвета хорошо выдержанного вина. Мэтр Рамеус хорошо понимал, чем рискует, возражая сложившемуся за многие века общественному мнению, и потому его труд не получил широкого распространения. Конни нарочно заглянул на последнюю страницу: название мастерской или имя переписчика отсутствовало, стояла только дата – 1255 год по основанию Аквилонии, почти шестьдесят лет назад.

Вещи в книге в самом деле излагались удивительные. Например, месьюр да Брукария утверждал: почти все предания о гулях, описывающих обитателей Рабиров как ужасных чудовищ, появились на свет после неудачливого похода короля Зингары Файдита IV из династии Сьерте. В сохранившихся отголосках более ранних легенд говорится о большом диковинном племени нелюдей, около пяти или трех тысяч лет назад пришедших с Полуночи. Племя в течение долгого времени удерживало власть над Побережьем, успешно воюя с Кхарийской империей и ее провинциями, одна из которых известна ныне как Стигия. Мэтр Рамеус якобы соб-

ственными глазами видел списки с соглашений, заключенных между правителями Рабиров и старшинами людских поселений, относящиеся к временам падения Империи. Упоминался также целый свод легенд, посвященных основанию Кордавы, где гули из Рабиров впрямую именовались чуть ли не создателями крепости над устьем Черной реки. Однако после поражения Кхарии, основания будущей Аквилонии и усиления сопредельных государств дела гулей внезапно ухудшились. Их бывшие владения переходили к людям, а самих гулей оставалось все меньше и меньше. Имелись туманные намеки, будто это диковинное племя откочевало к Восходу, затерявшись среди просторов Турана и за морем Вилайет.

* * *

– Возможно, это заблуждение, основанное на причудливой игре схожих слов. В Иранистане и Полуденном Туране водятся существа под названием «гули» или, скорее, «гхойли» – зловещее наследство Кхарии и плоды творения неудачливых некромантов. Прошло слишком много времени, чтобы утверждать наверняка... Можно узнать, откуда взялась сия прелюбопытная книга? Достопочтенный Рамеус да Брукария заслуженно носил прозвище «Развеивателя легенд», но такого сочинения мне доселе видеть не доводилось.

– Майлдаф привез седмицу назад, – неохотно пояснил Конни. – Уверяет, будто купил где-то в Немедии, в Меноре. А на самой книге стоит знак Тарантийской Обители Мудрости.

– С каких это пор достопочтенный Бриан увлекся историческими загадками? – собеседник принца заложил страницу фолианта подвернувшимся под руку длинным гусиным пером. – Конечно, помимо ведения торговли, он собирает легенды родного края... Но при чем тут Зингара? Или ты имеешь в виду Лиессина?

– Его самого. Он вдруг решил сделать мне подарок к Белтайну. Так что скажешь? Подлинная это книга или нет? Можно верить тому, что в ней говорится, или?..

Коннахар все-таки не решился идти со своими вопросами – а их накопилось немало – к самому верховному хранителю королевских архивов, сиречь к старому Озимандии. Если бы библиотекой замка по-прежнему заведовал отец Ротана и Меллис Юсдалей, никаких трудностей бы не возникло. А беседовать с Озимандией... Как-то страшновато.

К сожалению, вышедший в отставку Юсдаль-старший десять последних лет безвылазно пребывал в Гандерланде, и потому Конни отправился к господину Невдеру, одного из десятка помощников старшего Хранителя, некогда преподававшего маленькому наследнику престола и его друзьям начатки исторической науки.

Невдер отыскался на положенном месте – в пропыленном кабинете, заполненном книгами так, что для самому владельцу комнаты оставался лишь крохотный участок для стола и кресла. Для начала он попросил некоторое время на ознакомление с принесенным фолиантом, в течение коего Конни бродил по залам хранилища, разглядывая названия на переплетах.

– Видишь ли, Коннахар, никто не может утверждать, будто знаком с историей гулей. Мы знаем, – или полагаем, что знаем – что последние две тысячи лет или чуть больше они обитают в Рабирийских холмах, что их не слишком много – около двадцати или тридцати сотен, не считая проживающих в людских городах Заката и Восхода, – постепенно увлекаясь, Невдер заговорил суховато-размеренным тоном, знакомым принцу по былым занятиям. – Конечно, в последнее время отношение к этому народу сильно изменилось, однако не настолько, чтобы они решили поделиться с людьми своими тайнами. Особенно касающимися их происхождения.

Конни закивал, соглашаясь, и добавил:

– Я слышал – от отца и от его светлости Рейе Морадо да Кадена – будто гули считают себя потомками альбов, некогда живших на Полуночи Материка. Потом они ушли оттуда – во времена, когда погибла Атлантида и море затопило огромный кусок суши. Если б не катастрофа, земли Нордхейма и Пиктских Пуц сейчас занимали бы половину Океана.

– Вероятно, – Невдер рассеянно погладил вытершийся переплет. – Но я мало доверяю легендам о Великом Потопе. Рассуди сам – неужели хоть какая-то народность могла сохраниться неизменной в течение... десяти? восьми? скольких тысячелетий? Что им помогло? Пресловутое альбийское бессмертие? Или не менее пресловутое Проклятие Победжденных? Откуда нам знать, что гули изначально не являлись именно такими, каковы они есть, а красивую сказку, оправдывающую их жутковатые пристрастия, сложили позже?

Должно быть, выражение лица Конни разительным образом переменялось, потому что месьор Невдер торопливо, словно оправдываясь, присовокупил:

– Либо они говорят чистейшую правду, забытую с течением времен, и почтенный да Брукария совершенно справедливо пытался восстановить истину. Среди собирателей книг, кстати, ходит давний слух, будто в собрании Морской Башни Кордавы хранилась некая «Скрижаль Изгнанников», написанная кем-то из гулей. Якобы в ней подробнейшим образом излагалось жизнеописание и злоключения их народа. Потом она то ли сгорела, то ли пропала. Копий с нее, разумеется, не сохранилось... Если тебя интересует загадка происхождения рабирийцев, у нас отыщется с десяток-другой трудов, посвященных этой теме. Принести?

– Угу, – неожиданно для себя самого согласился молодой человек и без труда представил, выражение лица отца, когда тот заглянет к наследнику и узрит нагромождение фолиантов. Вероятно, сочтет, что драгоценный отпрыск переутомился и нуждается в небольшой встряске.

... Полученные книги – их оказалось немного, всего семь штук – Конни аккуратно разложил на столе, водрузив сверху подаренное творение мэтра Рамеуса.

Оглядел получившуюся картину и задумался: зачем, собственно, ему понадобилось устраивать исторические изыскания? Почему бы просто не расспросить Айлэ или госпожу Меланталь, когда та вернется из путешествия? Кому-кому, а Меланталь Фриерре о гулях наверняка известно больше, чем всем ученым мужам из рода людей, вместе взятым.

Но Меланталь далеко, так что придется выкручиваться самому. А наследнице семейства Монброннов совершенно необязательно знать о внезапно вспыхнувшем интересе ее преданного поклонника к тайнам Рабирийских холмов.

Глава вторая. Клятва

1 день Третьей весенней луны.

В нынешнем году празднование не удалось, ибо невозможно встречать Белтайн в торжественной дворцовой зале. Для этого действа всенепременно требуется поляна среди деревьев, подернутых слабой дымкой распускающейся зелени. До последнего дня обитателей Тарантийского замка не оставляла надежда, что природа смиростивится и затяжные ливни, хлынувшие с началом Первой весенней луны, все-таки прекратятся.

Тогда, как и в прошлые годы, можно будет отправиться в расположенный у верховьев Хорота Руазельский лес: жечь костры высотой до самого неба, бросать в медленную реку венки и веселиться ночь напролет. Конни всегда казалось, что во время Белтайна его родители словно молодеют на добрый десяток лет и потом украдкой вспоминают, как славно провели время.

Дожди не унимались. Мокрый город ежился на берегу взрытой множеством капель и раздуваемой от паводков реки, над парадными воротами замка короны уныло свисали насквозь промокшие флаги и чадили гаснущие факелы. Поездка в Руазель срывалась, и дворцовому управителю, месьюру Замио, вкуче с целой армией подручных, пришлось изрядно потрудиться, дабы торжество состоялось.

Весеннее Древо – высокую молодую сосенку, в изобилии обвешанную ленточками, блестящими побрякушками и флажками – установили в наиболее скромном из покоев дворца, однако впечатления крайней неуместности обычного деревца среди мраморных колонн и затянутых бледно-голубым шелком стен сгладить не удалось. Не помогли ни срочно доставленные из полуденных провинций охапки цветов, ни развешанные по стенам гирлянды оливковых ветвей, ни выдержанное «в подлинном народном духе» угощение. Вежливая тоска, казалось, овладела даже геральдическими мордами львов высоко под потолком – их оскаленные бронзовые пасти наводили на мысль о широченном зевке.

«Это все дожди, – думала Зенобия, привычно удерживая на лице маску любезной и гостеприимной владелицы Тарантийского замка. – Зря мы затеяли прием. Лучше бы дожждаться теплых дней, сбежать в Руазель или в Ларвик, и праздновать, пока не начнем с ног валиться».

Она поискала взглядом свое семейство. Младших, к счастью, уже увели спать. Ненаглядный супруг и властелин Аквилонии откровенно хандрил, уделяя больше внимания бутылкам темно-синего толстого стекла, в коих скрывался несравненный аргосский мускат «Дыхание Океана», нежели приглашенным гостям. Коннахар старательно пытался исполнять обязанности хозяина, но Дженна догадывалась, каким усилием воли он заставляет себя не поддаваться искушению тайком улизнуть. Малый Двор стойко держался неподалеку от принца, прикладывая всевозможные усилия, дабы развеять давящее облако скуки. Порой им даже удавалось чего-то добиться. Во всяком случае, чуткий слух королевы улавливал отголоски смеха, не выглядевшего чрезмерно принужденным.

Поколебавшись, она послала Мианту узнать, чем развлекается молодежь. Фрейлина возвратилась с радостным известием – барышня Меллис Юсдаль вкуче со своим верным рыцарем, пуантенцем Гиллемом Аарберой, затеяла мудреную игру, требующую множества участников и вроде бы имеющую успех. Мианту слегка обеспокоило отсутствие принца и баронетты Монброн, и многоопытная госпожа Тилинг высказала предположение, что молодые люди ненадолго удалились прогуляться по наружной галерее зала.

– В такой-то ливень? – с грустью заметила Дженна. – Не-ет, они наверняка сбежали. И правильно сделали. Я бы тоже давно удрала, да положение обязывает.

Вежливо улынувшись, Мианта заметила, что Ее величество вполне может покинуть торжество, сославшись на внезапный приступ головной боли.

– Тогда у половины присутствующих дам немедленно случится обморок, а их спутники начнут клянчить высочайшего позволения удалиться, – откликнулась Зенобия и внезапно развеселилась: – Коли уж мы страдаем, любезные подданные тоже обязаны мучиться! Ближе к полуночи, так и быть, пусть разбегаются. Мианта, передай девице Юсдаль мою искреннюю признательность... В конце концов, кто-нибудь предложит одинокой тоскующей даме бокал вина? Куда подевалась большая венценосная неприятность, сиречь мой благоверный? Немедля разыщите его и передайте – королева желает развлекаться!

* * *

Зенобия ошибалась, а старшая фрейлина говорила сущую правду. Коннахар не решился покинуть уныло-парадное торжество, свалив его целиком и полностью на плечи матери, но счел, что вполне заслужил краткий отдых. Исчезнуть не составило особого труда, благо Меллис Юсдаль и ее Приятель Гиллем как раз завладели вниманием общества.

Украдкой шагнуть за толстую ткань, скрывающую высокое, от пола до потолка, окно, толкнуть малозаметную дверцу, сработанную под выступ плоской настенной колонны. Неразборчивый шум голосов окажется позади, а рядом прозвучит тихий-тихий шелест аккуратно подбираемого платья – ибо ушел ты не один.

Снаружи по-прежнему лил дождь, но в серости нависших над городом туч вроде бы намечился еле различимый просвет. Вода, журча, собиралась в протянутые вдоль крыш водостоки, и с приглушенным ворчанием устремлялась вниз, широкими пенными веерами хлеща из разверстых пастей медных дракончиков, украшавших оконечья труб, и скрываясь под мостовыми.

Узкая крытая терраса зависла над внутренним двориком, вытянувшись вдоль затененных окон большого зала, где шел своей чередой праздник. Конни заметил, что не только они пользовались временным убежищем от выполнения светского долга – чуть дальше виднелась сбившаяся в единое целое группа из трех или четырех человек, а по левую руку приглушенно хлопнула дверь, пропуская еще одну пару беглецов. Они быстро проскользнули мимо Конни и его спутницы, направляясь к узкой лестнице, ведущей на нижний этаж. Каблуки женских туфелек отбивали на плитках галереи четкую дробь.

– Счастливчики. Вот нам, к сожалению, придется остаться, – вздохнула Айлэ, глядя вслед удаляющейся парочке.

– Ничего, потерпим, – неожиданно севшим голосом отозвался Конни. На еле различимой в ранних сумерках Полуденной башне дворца куранты степенно отбили девять ударов. – В полночь все закончится.

Айлэ молча кивнула. Девушка стояла, прислонившись плечом к витой колонне террасы, и чуть исподлобья смотрела на плотную шелестящую завесу дождя. Конни так и не научился угадывать, о чем она думает. С самого начала их знакомства ему казалось, что рабирийка в любой миг может исчезнуть, обернувшись вышитой фигурой на гобелене или резной статуэткой. Словно ее создал рассеянный кудесник, забыв придать своему творению чуточку ответственности, и единственное средство удержать ее в мире людей – прикоснуться и не отпускать.

Вместо этого молодой человек прокашлялся и осторожно начал:

– Давно собирался спросить... Это никак не повлияет на мое отношение к тебе, просто мне очень важно знать. Не захочешь отвечать, так сразу и скажи. Глупо, наверное, прозвучит, но...

– Пока услышанное мною туманно и крайне многословно, – с легкой ехидцей заметила девушка.

– ... Как ты относишься к своему происхождению? – брякнул Конни. – К тому, что ты – гуль?

В глубине души он приготовился к вежливым отговоркам или огорченному молчанию, но Айлэ отозвалась сразу, будто давно продумала ответ:

– Полагаю, с таким же смирением, как лошадь относится к тому, что природа дала ей четыре ноги. Или кошка – к способности мяукать. Или оборотни из Пограничья – к причудливому обстоятельству, что половина их души навсегда принадлежит зверю, а другая – человеку. Живу с этим, и все, – она быстро взмахнула тонкой рукой, вычертив некую всеобъемлющую окружность. – Родись я обычным человеком, моя жизнь стала бы гораздо проще, но коли невозможно изменить собственную природу, остается два выхода. Умереть... или приспособиться. Худой мир лучше доброй ссоры – так ведь говорят? Или ты имел в виду нечто другое? Честный ответ подразумевает взаимную честность. До меня дошли слухи, будто ты разыскивал в библиотеке замка книги об истории нашего народа. Можно узнать, с какой целью?

– Хотел разузнать о вашем жутком Проклятии, – не без заминки признался Коннахар. – А выпрашивать у тебя не хотелось.

– Проклятие Рабиров, – яркие зеленые огоньки на миг погасли, Айлэ зажмурилась. – К сожалению, я ничем не могу тебе помочь. Я ничего о нем не знаю. Оно было создано в очень давние времена и якобы продолжает существовать до сих пор. Самое забавное в том, что почти никто из рабирийцев не вспоминает о нем, как о тяжком грузе, довлеющем над целым народом.

– Привыкли? – догадался Конни.

– За столько столетий или тысячелетий привыкнешь к чему угодно, – беспечно пожала узкими плечами девушка. – Скажи, что на самом деле тебя беспокоит? Раньше ты меня ни о чем подобном не расспрашивал.

– Раньше я никак не мог поверить, что ты – не моя выдумка или сновидение, – наполовину в шутку, наполовину всерьез признался молодой человек. – Теперь я немного поумнел и начал беспокоиться по совсем иному поводу. В следующем году мне исполнится шестнадцать лет, и тогда...

– Мы с тобой, как нарочно, родились точно в кануны праздников, – задумчиво проговорила рабирийка. – Ты – на осеннее равноденствие, я – на День весны. С сегодняшнего дня мне уже семнадцать. Почти взрослая девица по счету людей, и все еще ребенок – по счету гулей.

– Кстати, к вопросу о днях рождений, – Конни с преувеличенной тщательностью обшарил карманы, пока не отыскал плотный бархатный футляр, целый вечер напоминавший о себе, точно завалившийся за подкладку уголек. – Это тебе. С моими наилучшими пожеланиями, само собой.

– Что там? – с любопытством спросила девушка, приоткрывая овальную крышку.

– Забыл. То ли парочка медных сережек, то ли голубой алмаз из сокровищницы короны. Если увидишь алмаз, имей в виду – завтра его придется непременно вернуть обратно.

Беззвучно хихикнув, Айлэ двумя пальцами осторожно вытащила наружу цепочку холодно поблескивающих в темноте изумрудных капель. Похоже, у нее захватило дух от удивления, и в тишине, предвещавшей наступление долгожданного и самого приятного мгновения тоскливого вечера, отчетливо прозвучал обрывок фразы, раздавшейся за спиной Конни.

– _... не понимаю, отчего до сих пор ее не выставят вон? Уже весь город судачит, будто она околдовала наследника. А королю словно дела нет до позора династии!

– Должно быть, она в самом деле умеет выделять нечто, недоступное даже твоим искусственным знакомым из веселых домов Правого берега, – иронично откликнулись в ответ. – Я слышал, уроженки Рабиров способны посрамить любой трактат о способах наслаждения... Кстати, по завершению пытки торжествами я собираюсь навестить заведение мамыши Тавалы. Знакомства с тульскими красотками не обещаю, но человеческие там выше всяких похвал. Кто со мной?

Компания вышла на галерею совсем недавно и не слишком заботилась о том, чтобы приглушать голоса. Коннахар без труда узнал восторженного почитателя заведения госпожи

Тавалы – Вигерена, молодого офицера королевской стражи – и ответившего ему Эвье Коррента:

– В следующем году этой истории наверняка суждено благополучно окончиться. Всему поставлен свой предел, даже терпению такого человека, как наш правитель.

– Думаешь, Конни запросто согласится расстаться со своей зубастой любимицей? – недоверчиво заметил другой голос. – Помяните мое слово: вскоре нас ждет шумный скандал на весь замок и Тарантию впридачу.

– Яблочко от яблони, – многозначительно изрек Вигерен и, перейдя на заговорщицкий шепот, добавил: – Эвье, ты вроде близкий приятель наследника? Вот и расспросил бы – какова его ненаглядная рабирийская подружка в постели? Вдруг ему совет требуется?

– Или дружеская помощь.

– Вампирише рот заткнуть. Дабы не откусила чего лишнего и не лишила наследника престола способности к продолжению рода.

– Говорят, эти тульские девчонки столь щедро одарены Иштар, что возможностей единственного мужчины им недостаточно...

– Довольно уподобляться рыночным сплетницам, – без особой настойчивости потребовал Эвье. – Принца Коннахара с прелестной баронеттой диа Монброн объединяет чистейшее единство душ.

Ответом ему послужили глумливые смешки и замечание Вигерена:

– Такие слова смахивают на попытку оскорбления монархии. Какое единство душ? Его выдумали менестрели – исключительно для красоты.

Краем глаза Конни увидел лицо Айлэ. Она изо всех сил старалась делать вид, будто страдает глухотой или совершенно не понимает, о ком идет речь, но получалось у нее плохо. Еще Конни успел заметить ее кисть, непроизвольно сжавшуюся в подобие крючковой лапы хищной птицы, и услышал сочившийся вежливым ядом совет:

– Не стоит давать лишнюю пищу слухам. По-моему, благородные месьоры, все очевидно.

– Сначала дверги с псиглавцами, теперь кровопийца, – уныло подытожил неразличимый в темноте собеседник. – А если принц действительно попытается добыть для своей подружки корону Аквилонии?

Отдельные сдавленные хмыканья перешли в короткий взрыв дружного хохота.

– Королева, – презрительно бросил Вигерен. – У мамыши Тавалы эдаких королев – выбирай, не хочу.

Пожалеть о своих словах он не успел.

* * *

Позже Коннахар так и не сумел восстановить происшедшее во всех подробностях. Последнее, что сохранила память наследника престола Аквилонии – белая вспышка ярости и недоуменно-перепуганное лицо Эвье Коррента, пытающегося что-то объяснить.

Эвье первым оказался на пути Конни, оттого ему досталось чуть меньше прочих. Короткий прямой удар под ложечку прочно и надолго вывел его из игры – к счастью для самого Эвье.

Вигерен, полусотник «Черных Драконов» – тот самый почитатель веселых заведений – повернулся на звук быстро приближающихся шагов и немедля схлопотал в зубы. Молодой офицер был на четыре года старше принца, выше на полголовы и тяжелее самое малое на стоун, но даже не пытался толком сопротивляться – нападавший, казалось, состоял из одних бешено мелькающих кулаков. К тому же очередной яростный замах Конни пришелся Вигерену прямо в нос.

Легионер рванулся, ослепленный резкой болью, почти не видя противника и помышляя только о немедленном бегстве. Драться с одержимым боевым безумием? Упаси Митра!

К несчастью, полусотник стоял слишком близко к высокому стрельчатому окну, в которое с размаху и влетел. Будь переплет старинным, свинцовым, с толстенными цветными стеклами, запросто способными выдержать вес человеческого тела, все обернулось бы иначе. Однако гений-хранитель Вигерена нынешним вечером явно отвлекся и не следил за мытарствами подопечного.

Легкие раздвижные рамы, недавно установленная новомодная диковина из Аргоса, с грохотом проломились.

Немелодичный звон и треск грузно обрушивающейся шторы чрезвычайно удачно заполнили перерыв между очередными танцами. В черную дыру, обрамленную зубчатыми осколками, радостно ворвался сырой ветер, принес с собой шелест дождя и неразборчивые яростные выкрики. Оркестр сбился с такта и умолк, разговоры прекратились, кое-кто из благородных дам наладился упасть в обморок.

К тому времени, когда слухи о происшествии достигли ушей коронованных особ, драка на балконе превратилась в некое подобие барсучьей возни – по мокрым мраморным плитам катались неопрятным клубком два порядком изодранных, местами окровавленных тела. Надрывно стонал Вигерен, пытаясь выбраться из расщепленных остатков рамы. Эвье, держась обеими руками за живот, свесился между колоннами ограждения и извергал остатки обильного ужина. Лицо у него приобрело бледный зеленоватый оттенок.

... Конни замахнулся в очередной раз, почти не осознавая, кого и по какой причине избивает. Время от времени до его слуха долетал слабый, омерзительно звучащий хруст, словно каблук сапога давил в лепешку панцирь крупного и наверняка опасного насекомого наподобие скорпиона.

– Пр-прекратить! – рявкнул мощный бас, знакомый всем без исключения обитателям дворца. Вслед за тем Конни, словно щенка, выволокли за шиворот из свалки и вздернули так, что носками сапог он едва касался пола. – Коннахар?.. Что ты тут натворил?

– Отпусти меня! Отпусти! – выкрикнул или, скорее, взвизгнул Конни, пытаясь вырваться и завершить расправу. Все старания привели к тому, что молодой человек в точности уподобился болтающемуся висельнику, лихорадочно пытающемуся нашарить спасительный чурбак под ногами. Спустя миг Конни свел близкое знакомство с холодной шершавой стеной, о которую его чувствительно приложили. Жестокая мера, как ни странно, вернула рассудку частичное здравомыслие, а с ним пришло тягостное недоумение.

Как же так вышло, он только собирался припугнуть этих болтунов и ничего больше...

Рука, мертвой хваткой сжимавшая воротник Конни, слегка разжалась и повернула его лицом к свету факелов. На галерее стало куда многолюднее, но Конни это не волновало. Он хотел одного: убедиться, что с Айлэ все в порядке. После начала схватки она куда-то пропала, и Конни испугался, как бы в суматохе ее случайно не задела.

Вместо баронетты Монброн Коннахар встретился взглядом с собственным отцом и невольно попытался отступить, чему воспрепятствовала не пожелавшая отдвинуться стена. Выражение лица правителя Аквилонии не предвещало ничего хорошего, хотя его вряд ли можно было назвать «разъяренным» или «свирепым». Внезапно Конни захотелось стать невидимым или открыть глаза, понимая: случившееся – не более, чем привидевшийся кошмар.

Еще он очень отчетливо понял – нужно немедленно что-то сказать (лучше всего правду), иначе грозит большая беда.

– Я... – молодой человек закашлялся. – Я...

Довершить фразу ему не удалось. С нижнего двора надрывно прокричали:

– Бегите за лекарем! Тут еще один валяется, он разбился!

– Утром поговорим, – ровным, напрочь лишенным каких-либо интонаций голосом бросил Конан, повернулся и, едва ли не оттолкнув сына, ушел.

Конни боязливо глянул ему вслед – король на миг задержался возле приходившего в себя Эвье, задал короткий вопрос и прошагал к двери в зал. Там уже скопилась изрядная толща сбежавшихся на шум гостей, пытавшихся разглядеть, что делается на галерее, и немедля шарахнувшихся в стороны. До Конни долетали распоряжения капитана дворцовой гвардии, приказывавшего немедля убрать с галереи всех посторонних, потом мимо пронесли наскоро сооруженные носилки. Из-под брошенного на них плаща свисала чья-то рука, изогнутая под неестественным углом.

В зале для торжеств вновь грянула музыка, и молодой человек вздрогнул от неожиданности. Праздник должен продолжаться, хотя к завтрашнему утру город переполнится самыми невероятными сплетнями. Конечно, досадное происшествие постараются замять и виновники понесут заслуженное наказание... но прежде ему необходимо кое-что сделать.

Коннахар помотал головой, убедился, что вполне твердо стоит на ногах, и, перешагнув через россыпь поблескивающих осколков, побрел искать Айлэ. Попавшийся ему на глаза стражник, поразмыслив, вспомнил, что совсем недавно видел баронетту Монброн спускающейся по лестнице в нижний двор.

* * *

Девушка стояла под проливным дождем, и Конни мимолетно задумался – плачет она или по ее лицу непрерывно струятся дорожки из капель. Он еще никогда не видел Айлэ плачущей и полагал, что она никогда не прибежала к этому вековечному женскому спасению. Ее нарядное платье, зеленое с черными и алыми полосами, стало похоже на скомканную мокрую тряпку, вычурная прическа рассыпалась на отдельные пряди, по которым текли тонкие ручейки. Конни попытался увести ее под выступающий карниз, где не так лило, но девушка вывернулась и отбежала. В ужасе Конни подумал, что после случившегося на галерее, Айлэ, должно быть, боится его. Много ли она видела? Заметил ли кто-нибудь ее саму?

– Пойдем со мной, – умоляюще попросил он. – Ты промокла. Все закончилось. Я тебя напугал, да? Айлэ, ответь! Не хочешь разговаривать, так хоть кивни!..

– Они говорили сущую правду, а я солгала, – надтреснутым, скрипучим голосом произнесла девушка. Айлэ пятилась, ее узкие губы раздвигались в жутковатой скалящейся усмешке, открывающей четыре острых клыка уроженки Рабиоров. Она сторбилась, подняла руки – в правой по-прежнему болтался недавний подарок, изумрудная цепочка, камни тускло блестели, как чешуйки выброшенных на берег рыб – и коротким, неуловимым движением выбросила из пальцев когти. – Посмотри на меня, Коннахар. Посмотри внимательно. Вот что я такое на самом деле. Чудовище. Зря мы пытаемся обмануть самих себя. Нам не позволят остаться вместе. Я должна уйти, а ты – как можно скорее забыть обо мне. Иначе каждый новый день будет приносить тебе новые слухи обо мне. В конце концов никто не сможет отличить правду от лжи, и клеветников от друзей. Постепенно ты возненавидишь меня, а я... Я не могу стать другой! – она сорвалась на крик. – Не могу! Я – гуль! Вампир! В этом нет моей вины, но я – гуль! Такой родилась, такой и умру!

– Надеюсь, ты не собираешься умирать прямо сейчас, – вырвалось у Конни, и, когда опешившая Айлэ замолчала, он в три быстрых шага преодолел разделявшее их расстояние и сгреб встрепанную, насквозь вымокшую девушку в охапку. Острые когти рабирийки чувствительно царапнули по шелку колета, но Конни не обратил на этот скребущий звук внимания. – Никуда ты не уйдешь, потому что ворота закрыты и ночь на дворе. И еще потому, что я люблю тебя, слышишь? Тебя, такую вот сумасшедшую... мокрую... и единственную... Мне плевать, вампир ты или нет, но раз тебя это настолько беспокоит – я найду средство, чтобы ты перестала им быть. Ты меня слышишь?

Айлэ, ткнувшаяся лицом в плечо Конни, закивала, не поднимая головы, и невнятно пробормотала:

– Это ты безумец, а не я. Такого средства нет. Проклятие...

– К демонам бесхвостым ваше растреклятое Проклятие! Раз его наложили, значит, можно снять! Я обещаю это тебе!..

В небе полыхнула беззвучная, ослепительно-голубая вспышка, выхватившая из темноты очертания высокой стены, выступающие подоконники, галерею с округлыми провалами арок, изогнутые трубы водостоков, откуда хлестала белая, вспененная вода, и затянутое низкими тучами небо. Затем пришел звук – многократно усиленный сухой треск рвущегося полотна, оглушающий, не знающий преград и радостный голос стихии.

– Гроза, – растерянно ойкнула девушка. – Первая гроза!

На лестнице, ведущей с галереи, заплясали раздуваемые ветром язычки факелов и качающиеся желтые пятна масляных ламп.

– Ваше высочество! Баронетта Айлэ! Коннахар! Госпожа Монброн! Где вы? – звали тревожные голоса.

– Идем, – Конни потянул девушку за собой. – Мне еще предстоит взбучку от отца получить – вполне заслуженную... Ты случайно не знаешь, гроза в ночь Белтайна – хорошая примета или дурная?

– Х-хорошая, – простучала зубами Айлэ, которую начал бить запоздалый озноб. – А ты знаешь, что обещания, данные на Белтайн, надо обязательно выполнять?

Глава третья. Испытание

2 день Третьей весенней луны.

Дождь стих только к утру. Мир продолжал жить по своим законам, над городскими крышами забрезжил тусклый розоватый отблеск, сменившийся положенным рассветом и началом нового дня – солнечного и ветреного. Сидевший в оконном проеме Конни видел трепещущие флаги на дворцовой стене и раскачивающиеся макушки деревьев, растущих вдоль набережной. За дверями комнаты пару раз лязгнуло и гроыхнуло – должно быть, сменялся караул – но засов на створках остался неподвижным.

Его отвели сюда вчерашним вечером, и с тех пор к нему никто не навещался. О Коннахаре, наследнике аквилонской короны, попросту позабыли.

«Справедливо, – мрачно согласился Конни. – Чего обо мне беспокоиться? Жив-здоров и никуда не денусь из-под замка. Небось, до сих пор решают, как со мной быть. Только бы матушка вступилась, не то под горячую руку отец вполне может засунуть нашкодившего отпрыска в захудалую крепость на границе с пиктами. Или выставит из страны, чтобы глаза не мозолил. Пусть, мол, малыш Коннахар проведет годик-другой в Немедии, в тамошней Военной Академии. Ему это пойдет на пользу, – размышления Конни свернули в глубокую и опасную колею, проторенную бессонной ночью. – Вдруг я вчера кого-то убил? Что тогда? Попахивает уже не семейным советом, но Королевским судом. Выкуп за пролитую кровь, шумное порицание общества... Разумеется, не казнят, но пойдут пересуды... В крайнем случае, приговорят к заключению где-нибудь в отдаленном замке короны. Да, но как же Айлэ?!»

Воспоминание о баронетте дия Монброн напрочь лишило Конни способности трезво рассуждать, заставив спрыгнуть с окна и закружить по комнате. Ее наверняка удалят из дворца, чтобы больше не давать поводов для сплетен. Может, именно сейчас она торопливо складывает вещи, не сумев даже толком попрощаться...

«Айлэ уезжает, а я ничего не могу поделать!»

Мысль походила на ослепляющую молнию, швырнувшую пленника к дверям с намерением колотить по бесчувственному дереву до сбитых костяшек пальцев.

Остановил его негромкий шелестящий звук, с каким поворачивается хорошо смазанная латунная задвижка.

Посетитель небрежно захлопнул за собой дверь и наградил Конни мимолетным взглядом, от которого у любого человека внутренности поневоле съеживались в мелко подергивающийся комок.

Жалобно скрипнуло кресло, принимая на себя немалый вес, и Конан Аквилонский холодно потребовал:

– Ну, теперь рассказывай.

Повествование вышло кратким, и, как надеялся Конни, звучало достойно. Ничего лишнего, никаких обвинений, только четкое изложение событий. Ни единого словечка об Айлэ Монброн. Брызги этой грязной истории не должны запятнать ее имя. На галерее присутствовала только подвыпившая молодежь из дворца, позволившая себе пару несдержанных замечаний, вызывавших крайнее раздражение наследника короны, а более никого.

Закончив, он вопросительно скосился на отца, пытаясь догадаться, какое впечатление произвели его слова. Похоже, весьма скверное. На поправки и чувство родительской любви рассчитывать не придется.

– Четыре человека, – раздумчиво, точно обращаясь к самому себе, протянул Конан. – Треснувшие ребра, сломанные руки, расквашенные носы. Трейско, недотепа, который грохнулся...

– Я его неудачно толкнул, – уточнил Конни, робко порадовавшись тому, что стычка обошлась без смертоубийств.

– ... Который грохнулся с балкона, – не слушая, продолжал свое повествование король, – умудрился шлепнуться прямо на кхитайскую вазу. Никчемный фарфоровый горшок и его череп теперь весьма схожи. Голова со временем заживет, а осколки вазы пришлось выкинуть. Как и разбитое оконное стекло. Оно, между прочим, стоило не меньше двухсот солидов, не считая доставки из Мессантии. Полусотник Вигерен, когда очнется и заговорит, наверняка подаст в преждевременную отставку. К несению военной службы он более негоден. Вряд ли когда сумеет влезть в седло без посторонней помощи. То же относится к его приятелю Сtimму, чья физиономия отныне и навсегда будет напоминать жабу, сплюсненную копытом тяжеловоза. Да, еще Коррент-младший, мающийся от жестокого несварения желудка и испортивший мне утро своим нытьем... Коннахар, может, ты хочешь что-то добавить?

– Нет, – еле слышно выдавил наследник престола, мысленно прощавшийся с дамой сердца и друзьями. Сошлют, точно сошлют. В гости к любезным соседям, в Пограничье. Они как раз завершили постройку новой крепости на рубеже с Гипербореей, и им пригодится любой человек, способный держать оружие.

– Жаль, – фальшиво огорчился Конан. – Твой дружок Эвье был куда говорливее. Он почему-то решил, будто должен всенепременно разделить твою скорбную участь. Я с ним полностью согласен.

Никакой положенной благодарности к приятелю Конни не испытал. Скорее, глуховатую злобу на неумную болтливость дие Коррента.

– Устраивать балаган с судилищем и публично рубить вам головы, пожалуй, не стоит. Лучше бросить в подземелье, – в голосе Конана зазвучала некая коварная мечтательность. – В холодный, мрачный, сырой подвал. С крысами и пауками. Ржавые цепи, никаких прогулок, тухлая овсянка и бичевание дважды в день. По праздникам – трижды. Как уверяют мудрые люди, такое времяпровождение расширит ваш кругозор и придаст суровый жизненный опыт. Куда это годится – моему сыну уже пятнадцать, а он ни разу не сидел в настоящей тюрьме! Я в твои годы... Впрочем, это к делу не относится. Решено: ты вместе с Эвье до конца года перебираешься в казематы Старого Бастиона. Вам понравится, обещаю. Заодно я позабочусь, чтобы подобных глупостей больше не повторялось.

Навощенные дощечки пола под ногами Конни начали рассыпаться, открывая бездонную пропасть, в глубинах которой призывно вспыхивали темно-багровые языки огня.

– Истинную причину всех неурядиц зовут девицей Монброн, верно? Без родительского пригляда она совсем распустилась. Ей давно пора замуж. Дадим вздорной красотке хорошее приданое от щедрот короны, затолкаем под венец, и пусть катится куда подальше. Скажем, в Полуночный Гандерланд. Или в родные Рабиры. А ты на досуге поразмысли, какую ценную услугу своей стране окажешь, коли мы предложим заключить брак между тобой и какой-нибудь из офирских принцесс. В Ианте их томится на выбор три или четыре. Любая согласна хоть сейчас переехать в Тарантию.

– Ты не можешь так поступить, – с мужеством отчаяния выговорил молодой человек.

– Почему? – вопросительно поднял бровь Конан. – Я король или нет? Захочу – прикажу зашить тебя в мешок и утопить в Хороте. Всегда мечтал побыть тираном.

– Если тебя хоть сколько-нибудь волнует судьба твоего сына... то есть моя...

– Да в целом Обитаемом Мире не найдется предмета, который волновал бы меня сильнее! – взревел король Аквилонии, подкрепляя слова могучим ударом ладони по полированной столешнице из мореного дуба. – Демоны Серых Равнин, о ней я и толкую, сын мой Коннахар – о твоей судьбе! Тебе пятнадцать зим. Твой отец, при всех его недостатках, убил своего первого врага в четырнадцать! Все, на что хватило тебя – учинить непотребную драку на званом ужине! Я, будучи мальчишкой, остался один во всем свете и прошел половину Материка, потому что

хотел жить и узнать – что там, за поворотом дороги? Когда четверо недоумков чешут свои поганные языки об имя твоей возлюбленной, ты, вместо того, чтобы вызвать мерзавцев на поединок и изрубить в кашу, лезешь с кулаками, как малое дитя! Кром Воитель! Хоть бы ты прикончил этого паршивца Вигерена, пусть даже голыми руками! По крайности, тогда никто не мог бы сказать, что потомок Конана Киммерийца не смог смыть оскорбление кровью!

* * *

Должно быть, выражение лица Конни стало на удивление глупым и растерянным, поскольку король внезапно расхохотался и, пружинисто вскочив – кресло возмущенно пискнуло – обнял сына за плечи и притянул к себе.

– Ну что ж, – удовлетворенно изрек Конан, рассматривая потомка с каким-то радостным удивлением, в то время как потомок, начиная кое-что соображать, снизу вверх таращился на него, – все обстоит гораздо лучше, чем можно ожидать. Я все думал – проявится в тебе знаменитая кровь Канахов или нет? Дженна говорила: «Не торопись, обожди, дай мальчику подрасти» – и оказалась права.

Мрачные бездны отступили, к миру постепенно возвращались утраченные было краски, и ссылка в Пограничье больше не маячила неподалеку страшной угрозой.

– Можно ли понимать сказанное, – осторожно начал Конни, – как твое прощение?

– Прощение – само собой, – беззаботно отмахнулся Канах-старший, падая в кресло и жестом предлагая сыну сделать то же самое. Второго седалища в комнате не имелось, и принц опять устроился на облюбованном подоконнике. – Но так легко ты не отделаешься. Склоку ты учинил безобразную, и слухи поползли немедля. Между нами говоря, – он заговорщицки понизил голос, – на твоём месте я поступил бы так же, только наверняка прикончил бы этих болтунов. Самообладание в тебе, должно быть, от матушки. Йен всегда умела держать себя в руках, в какие бы переделки мы ни попадали... Эй, кто-нибудь!

На высочайший окрик явился один из стражников, несших караул под дверями. Выслушав повеление немедля раздобыть аргосского муската, он безмолвно удалился.

– Вообще-то подробности вашей душевной беседы я разузнал к середине ночи, – признался король, дождавшись, пока двери закроются. – Как только улеглась суматоха, твоя подружка немедля помчалась к королеве – просить о заступничестве для тебя. Она до сих пор торчит в опочивальне моей жены. Рыдает и грозит кого-нибудь убить. Кроме того, те весельчаки беседовали достаточно громко. Нашлось еще с полдюжины заслуживающих доверия свидетелей их глупости. Я просто хотел тебя чуть-чуть проверить. Поздравляю, испытание ты прошел с честью. Ни разу не упомянул баронетту Монброн, не ныл, не ябедничал и не пытался оправдаться...

– Значит, подземелья не будет? – на всякий случай уточнил Конни. – И бичевания трижды в день тоже?

– Не будет, хотя неплохо бы, – хохотнул правитель Аквилонии. – Еще не хватало – в нарушение всяческих уложений подвергать особу королевской крови телесным наказаниям! Ревнителю традиций сожрут меня вместе с сапогами и короной, уж будь уверен. И Рабирийский Изумруд я тоже не сошлю и замуж не спихну, иначе Райан с Меланталь напустят порчу на всю страну. Что же до офирских принцесс...

Король сделал вид, будто усиленно размышляет. Слегка воспрявший духом Конни немедленно похолодел от ужаса.

– Но, отец!..

– Что «отец»? – буркнул Конан, с трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться в голос. – Между прочим, очень даже ничего девчонки. У меня где-то завалялись портреты, офирский

посол старательно всучивал. Потом зайдешь, полюбишься. И опять же, доля с тамошних рудников...

– Да не нужно мне их несчастного золота! – взмолился Коннахар, сваливаясь с окна, но тут, по счастью, бесшумный слуга внес покрытый пылью кувшин с клеймом королевских погребов и два резных хрустальных кубка на круглом подносе. Киммериец жестом отослал лакея и привычным движением распечатал сосуд. Золото аргосского муската урожая двадцатилетней давности заискрилось в граненом хрустале.

Конни, метавшийся по комнате, ополовинил свой кубок одним махом, на что его отец, с наслаждением перекатывая во рту первый, самый сладкий глоток, только неодобрительно покачал головой.

– Совершенно варварские манеры... гм... – пробормотал он. – Теперь приступаем к самому неприятному. Слушай внимательно, сын: за нарушение свода правил дворцового этикета и нанесение увечий отпрыскам знатных родов... проклятье, ну и покалечил ты их... я вынужден особым королевским указом понизить тебя в воинском чине на две ступени, поелику проступок твой относится к категории тяжелых. Ты приписан к Черным Драконам, ведь так?

– Так, – уныло подтвердил Коннахар.

– Так... и, насколько я знаю, в настоящее время состоишь в звании центуриона. Ох-хо-хо... Есть чем гордиться. Господа офицеры, вашего центуриона пожаловали вдесятники.... Церемония состоится завтра, в присутствии высших чинов легиона. Заранее сочувствую: разжалование – вещь очень неприятная и постыдная. Лишение знаков различия, преломление клинка и так далее. Мучиться будешь в одиночестве – я на такое безобразие смотреть не пойду. Вигерену и Сtimму, хоть, Митра свидетель, мне того не хочется, будет выплачена изрядная вира за поношение и ущерб здоровью. Пусть убираются по домам и больше мне на глаза не показываются. Двоих оставшихся обалдуев, Коррента и Трейско, вышлют из Тарантии в отдаленные крепости без возможности впредь занимать должности выше сотника... Вот такой веселый Белтайн получился.

– Могу я попросить за Эвье? – осмелев, перебил Конни. – Если кто виноват менее прочих, так это он.

– Я и сам так думаю. Болтает он много, а так парень неплохой. Хм... Ладно, посмотрим, что с ним делать. Теперь опять касательно тебя. На три луны я подвергаю тебя... как его там... золотому аресту без оков и замков. До наступления осени из дворца ни ногой, понял? Ни в город, ни на охоты, ни в гости, никуда! Мера негласная, но имей в виду: осмелишься снова что-нибудь учинить, вот тогда я рассержусь по-настоящему. Есть храбрость, есть упрямство, и пора научиться отличать одно от другого! Я понятно выразился?

– Понятно, отец, – смиренно кивнул молодой человек. – Я хотел бы еще спросить...

– Остается она во дворце, остается, я же сказал, – отрезал король, не сдержав усмешки при виде радости, озарившей лицо сына. – Успеешь еще налюбоваться. Только... Впрочем, сами разберетесь, не маленькие. И прекрати хлебать прекрасный мускат, как воду! Да, чуть не запамятовал. Достопочтенный месьор Борс Тегвир, воинский наставник, докладывает, что ты совсем забросил упражнения. Того и гляди забудешь, с какой стороны подходят к лошади! Посему своей королевской и, что гораздо важнее, отцовской властью в два раза увеличиваю для тебя время занятий в Фехтовальном Зале. Потом лично проверю, чего ты добился!..

З день Третьей весенней луны.

Треск ломающегося клинка, как полагал Конни, будет теперь преследовать его в кошмарных снах до самой смерти. Меч для позорной церемонии, само собой, взяли парадный, с тонким и заранее подпиленным лезвием. Звук получился именно такой, как требовалось – сухой, отрывистый, напоминающий резкий шелчок бича. Он заглушил даже низкие гроыхания барабанов и мерный голос глашатая, зачитывающего королевский указ.

Слова приговора словно тонули в окружившем наследника престола густом сером тумане, походившем на дым от костра. Это и вправду был самый настоящий костер, где дровами служили стыд и раскаяние Конни. Отец говорил непреложную истину – Коннахар вел себя, точно маленький ребенок. Как теперь показаться во дворце? В лицо, конечно, никто не засмеется, но за его спиной наверняка будут перешептываться и тыкать пальцами. Единственное спасение – закрыться до наступления осени в своих комнатах и никого не впускать. Даже Айлэ.

Тихое звяканье заставило Конни на миг опустить глаза. Он увидел валяющийся под ногами безжалостно погнутый серебряный значок, изображавший маленького крылатого дракона и свидетельствовавший о его бывшей принадлежности к дворцовому легиону. Принцу внезапно захотелось нагнуться, подобрать фигурку и унести с собой – пусть напоминает о случившемся.

– Кру-угом! Марш!.. – лязгнуло над самым ухом.

Две шеренги слаженно развернулись и с какой-то непривычной торопливостью промаршировали к распахнувшимся двустворчатым дверям.

Конни потерянно смотрел вслед уходящим, в который раз пытаясь уверить себя: опала не настоящая. Осенью она закончится. В крайнем случае продлится до конца года. Его изгнание подойдет к концу, и новым королевским эдиктом наследнику вернут утраченное звание...

Тогда почему очертания гербов, вышитых на полотнищах знамен, развешанных по стенам Малого Церемониального зала, начинают подозрительно расплываться?

Кто-то настойчиво потеребил молодого человека за плечо, буркнув: «Иди за мной».

– Куда? – вырвалось у Конни прежде, чем он сообразил. Церемония еще не завершена. Разжалованному надлежит принять десять ударов хлыстом и на седмицу отправиться в камеру под зданием казарм. Первое из-за исключительности случая решено заменить символическим наказанием сшитой из образков кожи куклы-болвана, на которой обычно тренируются в точности метания ножей. Что касается второго, то здесь ничего не поделаешь – традиции есть традиции. Нельзя пренебрегать ими до бесконечности.

В глубине души Конни тихо порадовался тому, что на целых семь дней его оставят в покое. У него будет время как следует обдумать свой поступок и решить, какой должна стать его жизнь дальше.

Он достаточно спокойно вынес зрелище побиваемого болвана, хотя вздрогнул при первом хлестком ударе, невольно вообразив себя на месте бесчувственной куклы, набитой соломой. Молча спустился вслед за стражниками по просевшей от времени каменной лестнице в подвальные помещения, отрицательно покачал головой в ответ на вопрос, не нужно ли ему чего, и вошел в указанную дверь. Низкая толстая створка захлопнулась. Донеслись удаляющиеся по коридору шаги и опять грохот запираемого замка. Стало тихо. Должно быть, собратьев по несчастью принцу не полагалось.

Камера мало напоминала уютную комнату, но «преужасным узилищем» наподобие такого, что красочно расписывал отец, тоже не выглядела. Конни мимолетно пожалел, что в ней нет окон, если не считать крохотных отдушин под самым потолком, ткнул кулаком брошенный на лавку тощий тюфяк, нерешительно присел сверху... и сам не заметил, как задремал.

* * *

Проснулся он с ощущением чьего-то присутствия рядом. В камере появились новые предметы обстановки – колченогий стол и добротного вида скамья. На столе красовались бронзовая масляная лампа и внушительных размеров плетеная корзина, а на табурете сидел человек в плаще с низко наброшенным капюшоном. Когда Конни зашевелился, незнакомец обернулся, знакомым жестом сдвигая капюшон назад, и сочувственно поцокал языком.

– Мама? – спросонья Коннахар едва не принял гостью за порождение собственных грет. – Мама, ты что здесь делаешь?

– Нарушаю строжайший запрет моего супруга и повелителя, – невозмутимо отозвалась Зенобия. – Он не желает, чтобы тебя навещали. Я больше и не буду, но должна же я сперва лично взглянуть, как обращаются с моим мальчиком.

Королева Аквилонии внимательно оглядела старшего отпрыска и, придя к каким-то выводам, удовлетворенно кивнула.

– Мне сказали, ты отлично держался во время церемонии. Конан доволен больше всех, пусть и пытается это скрыть. Наконец-то он получил убедительное доказательство семейного схождения.

– Я старался, – Конни поймал себя на том, что вот-вот разревется, и с силой прикусил язык.

– Верю, – мягко сказала Дженна. – Я горжусь тобой и одобряю твой поступок... хотя по-прежнему не могу согласиться с твоим выбором. Я говорила и повторяю – одари своей благосклонностью какую-нибудь иную девицу.

– Ма-атушка, – укоризненно протянул Коннахар. – Помнится, ты обещала не вмешиваться в мои отношения с баронеттой Монброн!

– Раньше ты не встречал из-за нее в драки, – возразила королева.

– Но ведь я победил!

Зенобия сокрушенно вздохнула:

– Нет, ты даже хуже своего отца. Боюсь загадывать, какой ужас начнется во дворце, когда подрастут Лаэг и Диса... Астрологи лгут – мне не суждена мирная старость в кругу семьи. Ладно, герой, наслаждайся заслуженной карой, – она поднялась, одергивая длинный плащ. – По-моему, твои друзья вынашивают замысел устроить тебе побег. Ожидай запеченных в пирогах шелковых лестниц и напильников между книжных страниц. Прекрасной Айлэ я передам, что все твои помыслы – только о ней.

– Ты не знаешь, как обошлись с Эвье Коррентом? – на всякий случай осведомился Конни.

– Знаю. Он тоскует за решеткой в другой части подвала. Его приговорили к десяти дням заключения, – Дженна постучала по двери, чтобы ее выпустили, и повернулась к сыну: – Не грусти, Конни. Семь дней – не семь лет. Твоя жизнь не кончена, она только начинается. Скоро увидимся. Кстати, я на всякий случай захватила те книги, что лежали в твоей комнате. Расскажешь потом, отчего тебя так волнует происхождение рабирийцев?

Идя по коридору за тюремщиком, королева украдкой всхлипнула и раздраженно вытерла глаза краем торопливо извлеченного платка. Зачем дети так быстро взрослеют? Не успеешь оглянуться, а они уже перестали быть несмышленными малышами, и больше не слушают твоих слов, разве что из вежливости.

Она поднялась по слабо освещенной лестнице, наклоняя голову, чтобы не удариться о низкий потолок. Свернула в боковой коридор, выведивший в старую крытую галерею между казармами королевской гвардии и первым этажом дворца. Ей редко пользовались, и Дженна надеялась, что ее визит в тюрьму останется незамеченным. Мианта Тилинг должна отвечать любому визитеру, что Ее величество Зенобия Канах пребывает в расстроенных чувствах и не желает никого видеть...

– Ой!

За поворотом Дженна едва не налетела на человека, подпиравшего стену и явно ожидавшего ее появления. Завидев торопящуюся женщину, он удовлетворенно крикнул и преградил ей дорогу, заявив:

– Вот и попалась. Куда ты ходила, дорогая? Госпожа Мианта строила такие честные глаза, уверяя меня в твоей неспособности, что я ей сразу не поверил. Будешь признаваться?

– Не буду, – мрачно буркнула Зенобия. – Ты узурпатор и безжалостный тиран. Заточить собственного ребенка в подземелье! Не могла же я оставить его пропадать в одиночестве, без материнской поддержки!

– Ему нужна не твоя поддержка, а славная трепка, – добродушно поддразнил жену Конан. – Хорош малый ребеночек – избить до полусмерти четверых пьяных оборотов только потому, что они ляпнули гадость о его подруге!

Королева Аквилонская поджала губы, всем видом показывая, насколько она презирает такой способ разрешения трудностей, и осведомилась:

– Долго ты собираешься его там держать?

– Ровно седмицу, ни днем больше, – заверил ее Киммериец. – Что касается дальнейшей судьбы Конни... Я кое-что придумал, но мне нужен твой совет. Идем, по дороге поговорим.

– Внимаю, – Зенобия поневоле заинтересовалась. Дослушав, негромко рассмеялась: – Это не наказание, а поблажка. Думаешь, он справится?

– Конечно, – самоуверенно отозвался Конан. – Чей он сын, в конце концов?

10 день Третьей весенней луны.

По расчетам Конни выходило, что сидеть взаперти ему оставалось совсем недолго, всего один день. Однако ему выпало маленькое послабление. Вскоре после восьмого послеполуденного колокола (Конни слышал его размеренные удары, долетавшие сквозь толщу стен) скрипнул поворачивающийся ключ в замке, заскрежетал засов и в камеру заглянул Грельго, старший из тюремных надзирателей. За время вынужденного безделья Конни познакомился и с ним, и с тремя его помощниками, выслушал уйму рассказов о тяготах службы и с десятков неизбежных историй о неугомонных призраках бывших обитателей подвалов под гвардейскими казармами.

– Велено выпустить, – сообщил Грельго и многозначительно ткнул пальцем в закопченный потолок, показывая, с каких недосягаемых высот явилось подобное распоряжение. – Жалобы высказать желаете? Нет? Ну, благодарствуем... Попадают такие сидельцы – мы вокруг них, значит, едва ли не на цыпочках бегаем, а они нам же потом страшными карами грозятся... Сопровождающего покликать? Обойдетесь? Тогда вот по этому коридору до конца, толкнете дверцу – она незапертая – и сразу увидите гвардейский караул. Будьте здоровы, Выше высочество.

Тарантийский дворец приветствовал наследника престола мирной тишиной. Никто его не встречал – должно быть, неизбежные торжества по поводу воссоединения правящей фамилии предполагались завтра. Весть об обретении Коннахаром заслуженной свободы, похоже, не достигла даже его близких друзей. Оно и к лучшему – Конни не хотелось сейчас болтать и отвечать на сотню различных вопросов.

Поразмыслив, не заглянуть ли на половину родителей, принц счел такой поступок излишним. Отцу и матушке наверняка известно, что отпрыск больше не под замком. Зачем тревожить их визитом посреди ночи? Айлэ сегодня тоже повидать не удастся. Госпожа Тилинг строжайше оберегает честь порученных ей девиц и вежливо, но непреклонно укажет принцу на дверь.

Дальнейший путь определился сам собой. Молодой человек сперва наведалься в Приречное крыло, где располагались термы (тамошние служители если и удивились потрепанному виду наследника, то виду не подали), откуда заглянул на Малую кухню, совершив очередное нарушение правил этикета и разжившись поздним ужином.

Под личные владения старшего королевского отпрыска отвели – по его настойчивой просьбе – причудливого вида башенку в полуденной части замка. В шести комнатах отлично разместились все предметы, необходимые для жизни и таковую украшающие, расставленные в некотором живописном беспорядке. За время отсутствия принца тут явно похозяйничали слуги, причем под бдительным надзором королевы, в который раз переделавшей жилище дражайшего сына в соответствии с личными вкусами и воззрениями.

Войдя, Конни только головой покачал. Матушка всегда остается верной страсти к порядку. Интересно, содержимое стола она тоже перебрала, разложив листок к листу? Жуткую помпезную картину на стене гостиной он завтра точно выбросит... и тонконогий резной столик тоже.

Семь дней символического заключения не прошли даром. Пожалуй, впервые в жизни Коннахар всерьез над чем-то задумался. Обещание, данное сгоряча Айлэ Монброн, требовалось выполнить. Только как? С чего хотя бы начать? Его учили – любое важное событие должно оставлять по себе след. Отголоски войны, гремевшей на Полуночи Материка восемь тысяч лет назад, наверняка сохранились в каких-нибудь летописях. Нужно искать. Если потребуется, он переселится в библиотеку. Один человек не одолеет такую гору рукописей. Нужна помощь. К кому обратиться? Месьор Невдер, Меллис Тосдаль и ее брат – они наверняка согласятся, хотя втихомолку решат: Конни взялся за невозможное дело. Ну и пусть. Если он добьется успеха, ему будет за что уважать себя. Или он собирается всю жизнь провести в тени своего великого отца?

Рассуждения настолько захватили Конни, что он не обратил внимания на беззвучно открывшуюся и закрывшуюся дверь. Вошедший, словно колеблясь, постоял на пороге, глядя из темноты на огонь в камине, отодвинутое кресло и молодого человека, выглядевшего не то дремлющим, не то глубоко задумавшимся.

Впрочем, он услышал легкий скрип половиц и оглянулся, увидев тонкий, призрачно мерцающий силуэт. Тень гибко присела рядом, обернувшись вполне живой и осязаемой Айлэ Монброн. Таинственное сияние исходило от ее туники, расшитой серебряными звездочками по темно-зеленому бархату.

– Я случайно узнала, что ты вернулся, – чуть дрогнувшим голосом сообщила девушка, теребя охватывающую шею изумрудную цепочку. – Словно прошло не семь дней, а семьсот лет.... За это время я стала взрослее и кое-что поняла. Я больше не могу без тебя.

Никогда еще не изменявший принцу дар речи внезапно пропал. Он смотрел на давно знакомое, узкое, точеное лицо в обрамлении густых темных волос, на влажно поблескивающие глаза цвета переменчивой морской волны, в которых отражался он сам, и слышал беззвучные раскаты грома в ушах, складывающиеся в незамысловатые слова: «Это Айлэ. Она пришла ко мне и хочет остаться навсегда. Такого не может быть. Я, наверное, сплю.»

Последнее соображение заставило Конни протянуть руку к полуночной гостье. Его пальцы нерешительно коснулись плеча, от которого исходило суховатое тепло, поднялись выше и запутались в локонах, казавшихся одновременно жесткими и шелковистыми. Коннахар осторожно потянул девушку к себе, и она с мягкой готовностью подалась навстречу.

Конечно, им доводилось целоваться прежде. Почти всегда у Конни начинала сладко кружиться голова, а его подруга, лукаво смеясь, отодвигалась в сторону. Но сегодня... Сегодня это напоминало падения и взлеты парящей высоко в небе птицы. Или неодолимое влечение набегающей на берег и отступающей океанской волны. Или пьянящий вкус перебродившего меда... Айлэ Монброн досталась ему, словно завоеванная в сражений награда – желанная и мнившаяся почти недосыгаемой.

Спустя какое-то время Коннахар осознал, что полулежит на растленной перед очагом медвежьей шкуре, сжимая в объятиях тихо постанывающую и трепетавшую от наслаждения Айлэ. Ее сверкающее платье и его одежда небрежно скомканными тряпками валялись поодаль. В глубине души он опасался собственной неопытности – ведь он впервые познавал женщину! – но со второй попытки им удалось приноровиться друг к другу.

Огромный мир уменьшился до крохотного пятна света, льющегося из камина, и наполнился чередой мимолетных, но таких ярких и притягательных ощущений. Конни запомнил бархатистую гладкость горячей кожи под своими ладонями, скользящие движения (сперва торопливые и неловкие, постепенно они приобрели нужную соразмерность), и как, отдаваясь,

рабийка пристально глядела на него чуть расширившимися глазами: сверху вниз, быстро и жадно втягивая воздух. Ее волосы растрепались, девушка раздраженным кивком головы постоянно отбрасывала их назад, и тогда на стене возникала причудливая расплывчатая тень.

Глава четвертая. Единомышленники

17 день Третьей весенней луны.

В Охотничьей зале за семь дней произошли разительные перемены. Теперь она напоминала не то библиотеку, разгромленную безжалостными завоевателями, не то жилище чуток свихнувшегося волшебника. Книги стопками возвышались на столах, придавливая разломатившиеся и скручивавшиеся в трубку края чертежей неведомых земель, громоздились на подоконниках, теснились на полках шкафов и без всякого уважения к письменному слову валялись на полу. Среди пергаментного хаоса неприкаянно поблескивал серебряный поднос, украшенный полупустым кувшином, парой грязных бокалов и тарелкой с частично съеденной куриной ножкой.

Две юные дамы – одна с золотисто-рыжими, другая с черными локонами – сидя на полу, сосредоточенно изучали толстенную рукопись, причем блондинка рассеянно грызла кусок пирога, щедро посыпая старинный фолиант крошками. В углу кто-то спал, с головой накрывшись парадным багряным плащом с золотой отделкой, и еле слышно похрапывал.

Толстые свечи в бронзовых шандалах догорели до самого основания, над ними поднимался сизоватый дымок.

Темноволосая девица потянулась, протерла ладонями глаза и удивленно воззрилась на появившийся между задернутыми шторами желтоватый проблеск. Нахмурилась, соображая, и толкнула соседку локтем:

– Доброе утро. Оторвись от чтения. Все равно мы не разыскали ничего нового.

– Уже утро? – недоверчиво утончила Меллис Юсдаль, переворачивая очередную страницу.

– Восьмой или девятый послеполуночный колокол, – перейдя к решительным действиям, Айлэ отобрала у подруги книгу. – Довольно. Иначе мы скоро превратимся в кучку книжных червей. Мелких, белесых и противных.

Меллис приглушенно хихикнула и огляделась вокруг. Похоже, им теперь до конца жизни придется рыться в старинных манускриптах, извлеченных из книгохранилища замка и специально доставленных из Обители Мудрости. Спрашивается, почему? Да из-за влюбленного по уши Коннахара, который бросается невыполнимыми обещаниями! Найти средство для снятия тульского Проклятия! Выдумал настоящий подвиг для героя! С равным успехом наследник Аквилонии мог посулить даме своего сердца раздобыть для нее сказочное яблоко, дарующее бессмертие, или алмаз величиной с человеческую голову!..

«Ты просто завидуешь, – оборвала себя Меллис. – Прекрати. Успеешь еще получить свою долю нежных чувств и вздохов при луне. Вкупе со случившимся по твоей вине поединками и грязными сплетнями».

Распахнулась дверь, впуская сначала выглядевшего чрезвычайно озабоченным Конни, а затем препиравшихся на ходу Ротана Юсдаля и месьора Невдера. Оба тащили по толстой стопке фолиантов, и Меллис услышала скорбный вздох, испущенный баронеттой дия Монброн.

– Как поживаете, благородные девицы? – серьезно осведомился Коннахар.

– Мы вот-вот захлебнемся в книгах! – рабирийка вскочила на ноги и протестующе выставила ладони перед собой. – Чем больше мы читаем, тем больше запутываемся! Тексты каждым словом противоречат друг другу, мы постоянно запинаемся об огрехи переводчиков и ровным счетом ничего не понимаем, когда речь заходит о магии!

– Айлэ решила впасть в отчаяние, – не слишком вежливо, но справедливо отметил Ротан, водружая свою ношу на край стола. Книги опасно закачались. – Не знаешь, сестрица, с чего бы ей захотелось предаться унынию?

– Она права, – грустно согласилась Меллис. – У нас ничего не получается. Мы не представляем, что искать и где. Кроме того, у меня возник очень простой вопрос, на который я не смогла найти ответа. Предположим, способ уничтожения Проклятия Рабиров есть. Тогда почему за восемь минувших тысячелетий никто до него не додумался и не применил? В прежние времена волшебники умели и знали куда больше, чем сейчас!

– Возможно, положение дел в мире было таково, что не сыскалось ни одного желающего вплотную заняться трудностями обитателей Рабиров, – негромко предположил месьор Невдер. Айлэ недоверчиво пожала плечами и, аккуратно ступая между колоннами из рукописей, перемещалась ближе к принцу. Как заметила не только Меллис, после разразившегося на празднике Белтайн скандала Коннахар и баронетта Монброн постоянно держались рядом, точно бросая безмолвный вызов обществу. Не способный испытывать положенного трепета перед блеском королевской власти Ротан со смешком уверял сестру: эти двое не только считают себя будущими супругами, но наверняка уже являются таковыми.

* * *

– Госпожа Айлэ отчего-то не желает замечать достигнутых вами успехов, – почтенный библиотекарь устроился за столом, разложив перед собой веер густо исписанных листов пергамента.

Впервые за последние сто или двести лет – а может, пятьсот, кто его знает... – кто-то взял на себя труд собрать воедино разрозненные обрывки истории возникновения поселений в Рабирийских горах. Получилась хоть и неполная, но весьма прелюбопытная картина, в которой нас интересует один определенный момент – обстоятельства возникновения Проклятия... Ротан, не желаешь продолжить?

Конни и Меллис, переглянувшись, еле подавили готовый вырваться смешок – происшедшее удивительно напоминало давешние уроки истории. В каком году происходило сражение при Лареде и каковы были его последствия? Кто и когда основал Шамарскую крепость? Назовите условия Рамолийского мирного договора, заключенного Сигибертом Завоевателем!..

– Для начала нам придется согласиться с существованием пресловутой Полночной Цитадели, – внушительно заявил Юсдаль-младший. – И с тем обстоятельством, что ее взяли штурмом, а после разрушили. Последствия разрушения оказались столь грандиозны, что нанесли ущерб почти всем землям Материка и, возможно, привели к гибели великой островной империи Атлантиды. Перечислить достопочтенных авторов, на основании изучения трудов которых я пришел к такому выводу?

– Не надо, – милостиво дозволил Коннахар. – Мы верим.

– По всему выходит, что Проклятие возникло либо во время, либо незадолго до падения Крепости. Раньше о нем не упоминается, а позднейшие хроники всецело принадлежат кхарийцам, мало интересовавшимся историей других народов... Нам бы хоть парочку описаний событий тех времен, желательно созданную очевидцами, – с сожалением добавил Ротан. – Пусть даже испорченных бездарным переводом!

– Так сохранились же альбийские летописи, – вмешалась Меллис. – В Бельверусе хранится список под названием «Кэннэн Гэллэр»...

– «Звездные имена», – перевела слегка оживившаяся Айлэ.

– В Кордаве вроде как уцелела некая «Скрижаль изгнанников», созданная гулями. Если Конни обратится с просьбой одолжить эти книги, ему наверняка не откажут.

– «Скрижали» давно не существует, – покачал головой Невдер.

– Мой отец говорил, будто своими глазами видел ее, – заупрямилась девушка.

– Меллис, не перебивай, – Ротан вернул себе право говорить. – Продолжаю. У осаждавших Цитадель и осаждаемых, само собой, имелось командование. Нас интересует предводи-

тель нападавших, потому как именно его полагают творцом Заключения. Этого человека – прошу прощения за оговорку, не человека, альба – звали Исенной, а еще Феантари, Аллериксом и десятком иных имен. Айлэ, ты хочешь что-то добавить?

– Давняя традиция, – объяснила девушка. – Сохранилась в Рабирах до нынешних времен, члены нашего племени носят личные имена, известные только узкому кругу родственников, фамильные имена для общего употребления, и еще частенько прозвища, с течением времени присоединяющиеся к имени как неотъемлемая часть.

– Почему ты раньше не сказала? – вырвалось у Ротана. – Я битых три дня корпел над десятком разных рукописей, пока смекнул, что речь в них ведется об одной и той же личности!.. Ладно, для простоты и удобства остановимся на Исенне – это имечко встречается чаще прочих. Он был неплохим полководцем, но за время долгой войны с Цитаделью, видимо, слегка повредился рассудком. Когда ему сообщили об удачном бегстве части осажденных, Исенна и сложил это самое Проклятие. Без долгих размышлений, без изысканий в мудрых книгах, просто вышел в поле и от души прокричал на весь белый свет – «Данной мне властью проклиная вас до семисотого колена!». Мне еще встретилось краткое упоминание о его кончине, последовавшей почти сразу за созданием Заключения и окруженной крайней таинственностью. Такое чувство, что Исенну побаивались даже собственные соратники. Я склонен думать, что они сами помогли ему не задерживаться более на этой грустной земле...

– Весьма познавательные и совершенно бесполезные сведения, – спавший в углу и оттого не принимавший участия в беседе человек уселся и с подвыванием зевнул. – Доброго утречка, прекрасные дамы и благородные месьоры. Может ли скромный недоучившийся студизус указать вам на одну большую ошибку, кою вы допускаете? Вы рыщете в поисках первопричины, вместо того, чтобы исправлять следствия.

– Глас истины, – вяло съязвил Ротан, обидевшись, что его в очередной раз перебили. – Пророк из винной бутылки. Ну, поведай тогда нам, что делать!

На самом деле Ариен Делле, именовавший себя «недоучившимся студизусом», преподавал в стенах Тарантийской Обители Мудрости, слывя большим знатоком по части разгадывания исторических казусов и изучения давно сгинувших языков. В замок его привел месьор Невдер, утверждая, будто его давний знакомый является важнейшим дополнением к тем фолиантам, что по требованию Конни перевезли с Правого берега на Левый, сиречь во дворец короны. Ариен немедля обозвал затею принца юношеской авантюрой и свел дружбу с Ротаном, уговорив того притащить в Охотничью залу корзину с десятком кувшинов. Более ученый муж никакими трудами себя не обременял, разве иногда помогал страдающим Меллис и Айлэ переводить особо запутанные места да развлекал девушек забавными историями из жизни былых королей Аквилонии.

– Я же сказал – исправлять последствия, – терпеливо повторил Ариен. – Разыскать и изучить книги, где описывается, как *снимать* проклятия, все равно какие. Мне однажды попался в руки труд какого-то малоизвестного волшебника времен Кхарии, так вот он приводит заклинание, использованное им для изничтожения обманных чар и утверждает, будто оно отлично подействовало. Заклинание он придумал не сам, а тоже вычитал в еще более старинной магической книге нелюдского народа – возможно, альбийской или созданной двергами – и с горем пополам перевел его на собственное наречие. Восстановить изначальный текст мне так и не удалось, но в пересказе на аквилонский оно приблизительно звучит так:

Черный ветер к Полуночи мчит облака,
Древний морок с собой унесет.
Будет так, даже если минули века,
Будет так, ибо сила моя велика,
Черный ветер мне силу дает.

– Какое же это заклинание? Обычайшая кансона, – кротко заметила Меллис. – Однако совет месьора Делле представляется мне... Айлэ! Да что вы застыли? Ослепли, что ли?! Айлэ плохо!

Внимательно слушавшая доселе рабирийка внезапно сгорбилась и начала заваливаться набок. Стоявший рядом Коннахар от неожиданности не успел ее подхватить, и баронетта Монброн не слишком изящно шлепнулась на пол, заодно взмахом руки опрокинув погасший шандал. Ее без того бледная кожа стала какой-то голубоватой, ярко-зеленые глаза потеряли осмысленность и закатились под веки. Она пробормотала неразборчивую фразу, сопроводив ее слабыми шлепками ладоней по полу. Меллис услышала царапающий звук и поняла – так скребли по ореховым доскам наполовину выпущенные когти девушки-гуля. Выглядели они жутковато – кривые и острые, цвета воска или старого дерева.

Толком помочь Айлэ никто не успел, ибо спустя миг та вполне самостоятельно села, надрывно кашляя, и слабым голосом попросила увести ее отсюда.

– Беседы и рассуждения на сегодня завершены, – Конни с величайшей осторожностью поднял свою подругу, убедился, что та достаточно крепко держится на ногах, и бросил на растерявшихся приятелей косой ожесточенный взгляд.

– Но я совсем не хотел... – промямлил вслед принцу обескураженный Ариен. – Не предполагал и в мыслях не имел...

– Неужели заклятие могло подействовать на Айлэ? – шепотом спросила Меллис у брата и месьора Невдера. Никто не ответил, но девушка почему-то решила, что Ротан и библиотекарь согласны с ней.

18 день Третьей весенней луны.

Душевное спокойствие к Айлэ не возвращалось, а попытки скрыть нешуточный испуг выглядели просто жалкими. Единственным внятным объяснением ее поведения стала короткая обмолвка: «Будто нечто пыталось изменить меня».

Расспросы Конни закончились плачевно. Рабирийка заявила, что желает побыть одна, и едва ли не бегом скрылась за дверями покоев, занимаемых младшими придворными дамами. В течение всего дня Коннахар отправлял кого-нибудь справиться о ней. Вестники приносили одинаковый ответ – баронетте Монброн нездоровится.

Непонятное событие заслуживало тщательного обдумывания. На всякий случай принц даже записал произнесенные Ариеном строчки, но произносить их вслух не решился. Да, на первый взгляд в них не крылось ничего магического, но вдруг? Произвели же они такое неожиданное и пугающее впечатление на Айлэ... Может, им в руки случайно попал ключ к разгадке, но по своему незнанию они не могут им правильно воспользоваться? Или четверостишие – не ключ, а своеобразная подсказка?

Окончательно запутавшись в вопросах без ответов, Конни счел полезным слегка развеяться. Нет никакого проку маяться под дверями комнаты Айлэ Монброн, раз он ничем не может ей помочь, или бесцельно перелистывать старинные фолианты. Он немедленно пошлет за Ротаном Юсдалем вкупе с вытерпевшим свои десять дней пребывания за решеткой Эвье Коррентом, и честно приступит к выполнению отцовского требования – почаще вспоминать о занятиях в Большом Манеже.

В ожидании приятелей Конни сидел в Охотничьей зале, снисходительно озирая царивший беспорядок, и раздумывая – не отписать ли в самом деле в Немедию с просьбой выслать кое-какие ученые труды?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.